

Полина Орынянская

ЦВЕТ ЛЮПИНА

Москва
Издательство
Российского союза писателей
2017

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)
О-71

Орынянская, П. В.

О-71 Цвет люпина / Полина Орынянская. — М. : Издательство РСП, 2017. — 316 с. — (Серия : Лауреаты литературной премии «Народный поэт»).

ISBN 978-5-906868-03-9

«Цвет люпина» — второй сборник стихотворений Полины Орынянской. В своей поэзии она умело сочетает многообразие художественно-выразительных средств и непринужденность изложения. Она пишет простым языком о сложных философских вопросах, создает осязаемые образы без нарочитой вычурности. Её рифмы бегут легко, а живописные эпитеты и сочные метафоры звучат естественно.

В 2016 году Полина Орынянская стала лауреатом литературной премии «Народный поэт». Книга издана Оргкомитетом премии в соответствии с программой книгоиздания для лауреатов.

16+ В соответствии с ФЗ № 436.

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-906868-03-9

© Орынянская П. В., 2017

Был скверный день

Был скверный день. Под куртку лезла стужа,
совала между рёбер пятерню.
Холодный ветер выл одну и ту же
мелодию. Деревья были ню —
дешёвые натурщицы в мансарде
художника, входящего в запой.
Куда ни глянь (чего, скажите, ради?),
брела толпа — и я брела с толпой.
Внутри меня ворочалось и ныло.
Хотелось крика — бешеного «А-а-а!»
такой животной, дикой, страшной силы...
Мигала лампа. Делались дела.
Весь день на вдохе — чтобы не сорваться,
прожить, дожить, не тронуться умом.
А как? А так! Элементарно, Ватсон...
Нажать shutdown, сбежать, прийти домой,
надеть халат, позвать соседку в гости,
достать коньяк в отсутствие чернил
и полный бак залить с тоски да злости...

Но вечером ты всё же позвонил.

Седые дни, встревоженные птицы

Седые дни, встревоженные птицы,
Вы гнёзда вьёте в памяти моей.
Там только что рядилось лето в ситцы
И горько пахли листья тополей.

Ещё вчера арбузом полосатым
Катился сонный август под откос
И сладко липли тёплые закаты
К моим рукам, волнуя глупых ос.

Дымился пруд среди осин сторуких,
Скрипел настил, давая мощный крен,
Клевал карась (наверное, от скуки —
Ему хотелось в жизни перемен).

И вот уже мне это только снится.
Кричат уныло в пасмурный рассвет
Седые дни — встревоженные птицы.
И так теперь до мартовских календ...

Жить без тебя

Нет, мне не хочется — слышишь? — не хочется жить
без тебя...

Осень — она не воровка, наводчица. Капли долбят
менторски, менторски, пыткой по темечку —
псих-метроном...

Осень-наводчица, глупая девочка, в мире одном
обе мы платья надели да скинули. Тонких ключиц
так беззащитны холодные линии... Выкрики птиц,
как иероглифы, спутаны, ввязаны в шёпот осин.
Звёзды звенят хрусталём да топазами с чёрных равнин.
Глупая, голая, гордая девочка, осень-сестра,
что ж ты меня продала за копеечку пьяным ветрам?
Выстыла, вымерла, стала я нежитью, горем да злом.
Болью рассыпалась нежная, прежняя, битым стеклом...
...Осень — не злая, она непутёвая, вот и кутит.
Ревность да глупость, да листья кленовые ты ей прости.
Ты забери меня, ты собери меня в стылых тенях!..
Но не осталось тебе даже имени после меня...

Бомж твоей души

В твоей душе я бомж.
Скитаюсь по углам.
Но ты меня не трожь,
мне мало надо:

скамейку где-нибудь,
весеннего тепла
и сказочную жуть
глухого сада.

Среди пустых аллей
бродить по целым дням,
порою сто рублей
занять на пиво...

Я бомж твоей души.
Не гонишь ты меня —
и ладно. Мы, бомжи,
неприхотливы.

Здравствуй, мир

Здравствуй, мир. Ты сегодня с утра обо мне позабыл.
Ты слегка приболел непогодой. Хрипишь, а не дышишь...
Мне казалось, что гнутся, как пагоды, серые крыши,
Под порывами ветра пытаюсь взлететь со стропил.

Я бродила одна, леденела, дышала на пальцы.
Уходила по мёрзлым тропинкам в сосновую глушь.
На промозглой платформе, стеклянной от выставших луж,
Я читала названья каких-то неведомых станций

И ждала — вот сейчас загудишь, запоёшь в проводах
Или стаей разбуженных птиц над деревьями брызнешь...
Но в лесу только эхо звенело осколками жизни,
А к платформе моей перестали ходить поезда.

Я бежала домой, чёрный холод на вдохе глотая,
Чтоб отжаться до капли своим одиноким ночам.
Но в подъезде моём половицы привычно ворчат
И навстречу собака от счастья заходится лаем...

Моя зима

Короткий сон. Белёдые рассветы.
 Стальной позёмкой выскоблен асфальт.
 И кажется, что будущее лето
 Несбыточней, чем месяц флореаль.

Скажи, а ты — что чувствуешь, как дышишь,
 Когда зима шарманку завела?
 Боготворишь ночник янтарно-рыжий
 За эту имитацию тепла
 И, путаясь в пуховом одеяле,
 Проваливаясь в прошлое до дна,
 Разглядываешь смутные детали
 В рисунке наползающего сна?..

А я — не так. Мне страшно зимней ночью.
 Коленки к подбородку подтянув,
 Я чувствую, как стынет позвоночник,
 И вою, будто нежить на луну.

Проснусь — и в забытии скольжу по краю...
 Зимой я не живу.
 Я выживаю.

Вытащу стих наружу

Из горла и лёгких,
                   из каждой вены
 вытащу стих
                   наружу я,
 чтобы ломал
                   замшелые стены
 привычного
                   равнодушия.

Чтоб сердце-насос,
                   зайдясь в ритмии,
 гнало
                   кубометры
                   крови
 и клетки мозга
                   допьяна пили
 не жалкое
                   пустословие,

а смысл —
                   насыщенный,
                                   крепкий,
   терпкий —
 целебный
                   напиток
                                   просто,
 чтобы душа
                   в процессе лепки
 доросла
                   до небесного
                                   ГОСТа!

СВ

...А мне-то что? Я в снег, как будто в омут.
Ищи-свищи, была — и больше нет.
А ты броди один по скуке комнат,
Свою хандру укутывая в плед.

Томись неясным, думай о великом,
Решенье оставляя на потом,
И громыхай тарелками на стыках
Ночей и дней, ползущих за окном.

А у меня билет на самый скорый,
И поезд мой на месте не стоит.
Мигают мне призывно семафоры —
Циклопы пучеглазые мои.

Электровоз прожектором и свистом
Пугает ночь и рвёт её бока.
И кровь по венам пенится игристо,
И чайной ложкой звякает стакан.

В моём СВ одна пустует полка.
У проводницы точно есть коньяк.
От А до Б ещё мне ехать долго,
И я с утра решила... В общем, так:

Ты свой уют, рассчитанный на вечность,
Сложи в мешок и сдай его в утиль.
Бери билет до станции конечной,
И, может быть, нам будет по пути.

Избушка

Вверх, по ступенечкам. Слышишь? Седьмая скрипит.
Так по ночам, если ветрено, маются сосны.
Это мой дом. Заходи. Удивительный вид
Здесь из окна. Впрочем, ладно, сейчас уже поздно.

Ты заплутал. Так бывает. Садись у огня.
Чая? С лимоном, вареньем, а может быть, мёдом?
В баньку пойдёшь? Изумительный пар у меня!
Сам убедишься: такого не пробовал сроду.

...Это? Летучие мыши. Зимуют в избе.
Чёрная кошка? Не верю в приметы. Ты тоже?..
Ну же? Покойно ли, сыто ли стало тебе?
Славно. Теперь полезай-ка ты в печь, мой хороший.

Как — для чего?!.. (Стали свечи коптить и мигать.
Хриплый смешок прозвучал неожиданно тонко.)
Кто я такая? Да полноте. Баба-яга.
Вот дожила-то!..

*

И бабка закрыла заслонку.

Этот северный город

Этот северный город чернел
Деревянным некрашеным прошлым.
Пассажирский свистел заполошно,
Заходясь от своих децибел.

Уходила под горку дорога.
В колеях освинцовела муть.
И старуха с глазами, как ртуть,
На клюку оперлась у порога.

В глинозёме собачьи следы.
Две герани в окне у кого-то.
Пахло сыростью и креозотом,
И над крышами маялся дым.

Горький воздух пролился микстурой,
Но в плацкарте не много забав...
Этот город — кому-то судьба,
А кому-то — на рельсах окурок.

...На берёзе десятков ворон.
Безнадёгой слезились окошки.
И, хватая состав за подножки,
Волочился за нами перрон...

Берег

Молчать и просто быть собой —
такой же древней, как и ветер.
Бродить пришельцем меж столетий,
кидая камешки в прибой.

Кидая камешки в прибой,
считать: раз-два... четыре... девять... —
и только этим время мерить
с секундной стрелкой вразнойбой.

С секундной стрелкой вразнойбой
Пересыпать песок в ладонях —
Песок часов потусторонних...
Молчать и просто быть собой.

Ах, как же удивительно!..

На цыпочках, тихонечко
к тебе крадусь я издали,
щеки касаюсь пальцами.
Молчу. И ты молчи.
Как всё же удивительно
переплетаться жизнями!..
И как прозрачны бусины
янтарной алычи.

Ну как же замечательно
слоняться между барами,
смотреть, как солнце плещется,
забравшись в мой бокал.
Ходить с тобою за руку,
срастаясь папиллярами,
сплетаясь капиллярами
и даже ДНК.

А море тонет в мареве,
хватается за камешки,
а мы идём по краешку —
цепляется за нас.
И чувствую — мне маятно,
и ты, похоже, маешься,
но тут, смотри-ка, сумерки
спускаются как раз.

А запах пыльной зелени
смущает мне дыхание,
и ниточкой вибрирует
неясное во мне.

И лепестками ириса
плывут мои желания,
лиловые, как сумерки,
развратные вполне.

И врассыпную, брызгами
над морем звёзды брызнули,
а месяц когтем выгнулся,
на облаке засел.

Ах, как же это здорово —
переплетаться жизнями.
Ну... и не только жизнями,
а прочим разным всем...

Осень. Утро

...Ты же будешь любить меня
вот такую, какая есть?..
На ладони смурного дня
оседает рассвета взвесь.

Солнце шарит своим лучом,
как слепец, потерявший трость.
Я целую тебя в плечо,
прорастаю тобой насквозь.

Это больно – вот так, живьём.
Я пытаюсь сорваться в сон.
Но в дыханье (твоём? моём?)
я уже различаю стон....

Солнце лыбится, как паяц,
в ореоле своих седин
и сшивает лучом края
совпадающих половин.

Дура

Маюсь. Тесно душе. Так и просится, дура, на выход.
Начинает мне сердцем отчаянно в рёбра стучать.
То завоет протяжно, то стонет мучительно тихо...
Я не цербер, порой отпускаю её по ночам.

Только падать начну в мутноватую рыжую дрёму,
Закружусь, заверчусь потерявшимся в небе листом,
Как на выдохе сонном она вылетает из дома,
А вернувшись, молчит. Только мне-то известно о том,

Что душа до ночных приключений, конечно, охоча,
Но не шастает где-то в астрале по злачным местам,
А летит в твои сны, потому что соскучилась очень.
Что же с дуры возьмёшь... Ты за нею присматривай там.

Жанетт

В том доме вечно тьма.
Она густа, как яд.
Хозяева с ума
Сошли сто лет назад.

Их девочка Жанетт,
Единственная дочь,
Любила лунный свет.
Когда настанет ночь,

Бывало, выйдет в сад,
В исподнем и боса,
Бормочет невпопад,
Глядит на небеса.

Садовник их Фуке,
Напившись допьяна,
Трепался в кабаке:
Летает, мол, она.

Вот, дескать, братцы, крест,
И чтоб я околел:
Из чёртовых невест!
Верхом на помеле!

Деревня. Сброд глупцов.
До сплетен всяк охоч.
И вот уж мать с отцом
Закрыли в доме дочь.

Но что ни говори
И как беду ни прячь —

И в новолунье крик,
И в полнолунье плач.

Ах, если б да кабы
Предвидеть кто-то мог...
Но разве от судьбы
Запрёшься на замок?..

Хоть слухами я сыт,
Но в тот полночный час
На ратуше часы
Тринадцать били раз.

Фуке не пьян был, нет,
Ну, может, с похмела.
Он видел, как Жанетт
Летит без помела:

Застыла на окне,
Руками раз, другой
Взмахнула в тишине,
А после — стук глухой.

Фуке давай кричать!
Луна зашла, темно.
Ну, тут отец и мать
Спустились под окно.

Козлиные следы,
А тела нет как нет...
Вот так и стал седым
Фуке в расцвете лет.

...Пустует старый дом,
Давно не ждёт гостей.
Но в полнолуние в нём
Порой блуждает тень.

Выходит на крыльцо
И стонет — спасу нет.
В те дни луна лицом
Похожа на Жанетт...

Женщина под сорок

Не сон, не явь, а так, какой-то морок.
Мерещится? Спросить бы у кого...
Ко мне приходит женщина под сорок
в лиловом платье с длинным рукавом.

Серебряно бренчат её браслеты,
и тонким пальцам тяжело от колец.
Вдыхает сладко горечь сигареты.
Бледна, прозрачна, будто не жилец.

Гадает мне на картах, не спросивши,
опять пустые хлопоты сулит.
Глядит в окно на сгорбленные крыши
и шепчет что-то. Может, из молитв.

Холодный день бесцветен и аморфен —
она всегда в такой приходит день.
И я варю ей скверный чёрный кофе,
замешанный на утреннем дожде.

Она давно отчаялась согреться,
и кожи перламутровая стынь
испорчена следами от инъекций
сезонной дряни под названием сплин.

В туманной взвеси спрятан целый город.
Бессмысленны и долги вечера...
Ко мне приходит женщина под сорок —
обычная предзимняя хандра.

Когда твой поезд ушёл

Когда твой поезд ушёл в тоннель,
пробив скалу и хрипато дыша,
а солнце вдруг налетело на мель
и тонет за лесом, дырявый шар,

а ты осталась одна совсем,
кричи не кричи — только эха жуть,
и даже плакать — к чему? зачем? —
ведь плачут обычно кому-нибудь;

когда впереди чернеет мрак
и пульс на ошмётки запястья рвёт,
а воздух будто тоской набряк —
тебе нужно просто идти вперёд.

Давай как хочешь — беги, плетись,
придумай в кошмаре тоннеля свет...
Тебе не заменят маршрутный лист.
Обратной дороги у жизни нет.

Возвращайся на землю

Возвращайся на землю. Здесь, правда, пустынно и страшно,
Пересохшие русла бесплодны и маятна даль,
Здесь туманы горчат и пылятся забытые пашни,
Тихий благовест смолк и безжалостно лязгает сталь.

Но оттуда, где синь, где распахнуты белые крылья,
Не понять, не увидеть, не тронуть дрожащей рукой
Этот мир, где когда-то недавно мы счастливы были
И нелепо забыли о том, что он хрупкий такой.

Возвращайся на землю...

И падать в темноту

...И падать в темноту,
с корнями вырвав звёзды,
дотронувшись хоть раз
до сути пятернёй.
В безвременье потуг
твой мир однажды создан,
и право есть на глас,
и пару сыщёт Ной.

Засеяна земля
зубами аллозавра,
и нежные ростки
обласканы росой.
Под песенку шмеля
в бессмысленное завтра,
покинув тихий скит,
иди себе босой.

В ладонях принесёшь
не линии, а шрамы,
стигматы от любви,
обиду и печаль.
И примут эту ложь
небесные ашрамы,
над вымыслом твоим
до колик хохоча.

Поставят на учёт,
пустив мечту по венам,
и, жизнью отболев
с начала до конца,
провалишься в зрачок
упоротой вселенной,
сидящей на игле
из вечного яйца.

Белое марево

В белое марево, вязкое, мутное,
Город упал и лежит без сил.
Сон-забытьё, беспокойный и путаный,
Тянет, как будто в придонный ил.

Холодно, гулко протопают лестницы.
Старческим визгом зайдётся лифт.
Двери скрипучие хлопают, бесятся.
Сыплются звуки на серость плит.

Гляну в окно – и шарахнусь бессмысленно,
Так вот и сходят порой с ума:
С улицы в комнату жадно и пристально
Бельма таращит зима...

Предчувствие

Всё новогодней лиц и улиц суета.
Щемит внутри. Горчит. Тревожно мне и странно...
Знакомый бар зовёт, подмигивает пьяно,
Гирляндами себя по крышу обмотав.

Струится мишура. Наряжены уже
Моих нелепых снов жрецы и эскулапы,
И, в душу запустив игольчатые лапы,
Они скребут чудно, морозно на душе.

И хочется залезть в янтарное нутро,
Курить, цедить вино, пред будущим немея,
Катиться в полумрак бессонницы и хмеля,
Забыв, что это всё бездарно и старо,

Что, пробуя на вкус иные купажи,
Я только разбужу своих уснувших чудищ...

Рыжий рассвет

Рыжий рассвет зарождается в тёплых странах,
Огненным шаром вползает на небосвод,
Катится медленно сквозь облака-бурьяны,
Студит края в синеве океанских вод.

В дальних лагунах насыплет в песок рубины,
Жаркими искрами в травах зажжёт росу,
Сонным горам отогреет бока и спины,
В светлой тайге осторожно лизнёт косуль.

И, спотыкаясь о стылые плечи сопок,
Путаясь в кедрах лучами, теряя жар,
По занесённым снегами небесным тропам
Скатится к зимнему городу солнца шар.

Город. Пристанище самых чудных обманов...
Выгляни утром в окно, всё равно не спишь:
Рыжий рассвет, что родился в далёких странах,
Мутным бельмом вытекает на холод крыш.

Беспамятность

Ты часто забываешь обо мне.
На миг, на час... Не помнишь даже имя.
За окнами зима синей, темней.
Мне жить и жить молитвами твоими
в своём раю на краешке души...
Но чувствую (моя, твоя вина ли?) –
беспамятность оборками шуршит,
как полог опускаясь между нами.
Привычка...

Развернуться и уйти.
Сыграть на бис в дешёвом водевиле,
где я – звезда, а ты – простой статист:
ну вот сейчас меня догонишь – или?..
Потом рыдать, мириться до зари...
Какая скука в этой мизансцене!
...Когда к тебе сажусь я на колени,
ты мимо, ради бога, не смотри.

Курносая песенка

Ноги тонкие в росе,
травы вокруг погоста.
Оселком да по косе —
ох как будет остро!

Льётся благовеста свет
с колокольни белой.
Говорят, что смерти нет.
Мне какое дело?

Человек по сути слаб.
Всяк на ладан дышит.
Из моих когтистых лап
ни один не вышел.

Батарейку — да в часы,
пусть считают время.
Не откосит от косы
человечье племя.

Не тяну к себе силком,
поджидаю просто...
По косе да оселком —
ох как будет остро!

*

Кружат полчища ворон,
псы сорвали глотки.
А на пристани Харон
курит возле лодки.

Слышит где-то звон косы,
песенку фальцетом.
Нервно смотрит на часы,
сплёвывает в Лету...

Тик — не так

Утро рядится в обноски
из белёного сукна.
Затишают отголоски
неудавшегося сна.

Я прислушиваюсь чутко:
время радости? беды?
Ветер воет, как анчутка,
заметает все следы.

Я на ощупь, я по краю
выцветавших теней.
Мысли, сбившиеся в стаю,
лупят крыльями сильнее.

Сердце бьётся незнакомо:
тик — не так... тик-тик — не так...
Кто-то шастает по дому,
кто-то дышит в полумрак,

кто-то шепчет за спиною:
— Ну? Давай сойдём с ума?
Ведь за снежной пеленою
бесконечная зима...

Оглянусь:
— Эй, кто там? Бросьте!..
Пусто. Только в тишине
утро рядится в обноски
да красуется в окне.

Моя ночь

Я в эту ночь нырну, как в глубину.
Пойду ко дну, и мне не надо лоций.
Мой город-омут спит, устал, пропойца,
Чернила тьмы из горлышка тянуть.

Я в эту ночь нырну, не зная сна.
За мной луна покатится устало
Туда, где веток чёрные кораллы
На тонкой шее носит тишина.

На самом дне, где ночь густа, как ртуть,
Где суть вещей слова не переврали,
Я стану той, задуманной вначале,
Узнав, куда уводит Млечный Путь.

Река. Зима

Застыла река, заснежилась.
А вроде ещё вчера
С туманом ласкалась, грешная,
Дарила себя ветрам.

И вот — где тепло, где вольница?
И гости уже не те:
Берёза скрипит и клонится
Да воеет с тоски метель;

Вороны бранятся матерно,
Мол, холодно, так-растак!
И мухой на снежной скатерти
Понурий сидит рыбак...

Да будет свет. Версия

Сяду, уставившись в точку одну. Ну?
Хватит страдать и метаться во мне. Не?
Если внутри обретается бог — ох! —
Это затеял, наверное, он шмон.
Что ж ты устроил, почтенный старик, крик?
Что там тебе показалось не так? Мрак?
Прежде за сколько управился дней, эй!
Вот и теперь создавай этот свет, дед.
Я бы сама, только сводит с ума тьма.
Сколько шныряет кошмарных теней в ней!
Ты бы меня защитил, старичок, ок?
Или настолько тебе я плоха? Ха!..

Видно, хотел бы уйти, да не смог бог:
Выход сыскать невозможно впотьмах — ах!
От безысходности этой старик сник,
Искру добыл и раздуть огонёк смог...

И только ты

Всё глубже в зиму, в ветреную стынь.
От света тьма опять неотделима.
Проходят дни — скитальцы-пилигримы
В бессмысленном искании святынь.

У будней в ломком инее бока.
Дотрагиваюсь, зябко содрогаясь,
Гляжу на солнца гибнущую завязь
В тяжёлых, неподвижных облаках.

Вдыхаю холод, горький и крутой.
Считаю дни, теряю счёт неделям.
И кажется, что жизнь на самом деле —
Безвкусный чай, остывший и спитой.

И только ты... Единственная нить,
Сшивающая мир мой воедино,
Мой тёплый свет, вторая половина
И жажда, что никак не утолить...

По дороге в Никуда

Я по дороге в Никуда попала в зимний сад.
Был вечер, хрупкий, как слюда, созвездьями распят.
Искрился снег, белел во мгле. Я там была одна.
В ветвях, клонившихся к земле, ютилась тишина.

И только, будто бы в бреду, шептали голоса:
Сорви Полярную звезду с медвежьего хвоста!..
И зазвенел разбитый Ковш, и с укоризной зверь
Сказал печально мне: «Ну что ж, звезда твоя теперь».

Но обещай когда-нибудь вернуться в этот сад,
Каким бы трудным ни был путь из Никуда назад. —
Он заглянул в мои глаза, сказал, спеша уйти:
— Пускай Полярная звезда хранит тебя в пути.

Ей столько лет, что — видит бог! — её мудрее нет.
Но берегись: порой жесток звезды холодный свет».
Я в знак согласия ему кивнула головой,
И зверь рассыпался во тьму пригоршней голубой.

Но не вернуться в те места и не узнать, где сад:
В тот день под утро неспроста был сильный снегопад...
Я по дороге в Никуда который год везу
Хрусталик тьмы, кусочек льда — Полярную слезу.

Мой вечер

Мой вечер пуст, проржавлен тёплым светом.
Скребёт секундной стрелкой тишина.
Моя тоска... Abstractum pro concreto¹.
Налью вина.

Тебя жалеть — что может быть чудесней?
Анамнез растревоженной души
порой звучит не хуже песни песней
в такой тиши.

Потом остановлюсь почти на грани
и руки — лёд в прожилках синевы —
я протяну к огню воспоминаний,
где только Вы.

Бокал, другой. Измятая подушка...
Наутро глупой (думать не хочу!)
мне кажется вчерашняя пирушка.
Какая чушь...

Конечная

Изношено сердце и бухает, бухает, бухает.
Наверно, любила помногу — взхлёб, не боясь.
Всегда — навсегда. А в ответ эта жизнь оплеухами:
Конечная станция, так что, гражданочка, слазь.

Бывало, сложу в чемоданчик досаду, растерянность,
Сойду, оглянусь, а вокруг — пустота, ни огня...
Но видишь, и правда — однажды даётся по вере нам.
Я знала, что в этом безлюдье ты встретишь меня.

¹ Abstractum pro concreto (*лат.*) — общее вместо частного.

Горсточка чёрных зёрен

Россыпь моих секунд,
горсточка чёрных зёрен.
Чем же они взойдут —
радостью или горем?..

Гром громыхал весной,
ливням была потеха.
Летом плескался зной
да насмехалось эхо.

Вырос мой сад неплох,
вырос он всем на зависть —
лютик, чертополох
да лопухи в канаве.

Рядом шумят леса,
выпив вино заката,
а у меня — роса
в зарослях дикой мяты.

Может, кому нужны
розы и кроны пиний,
а у меня нежны
листья седой полыни.

И не была бы я
сроду сама собою,
но у меня заря —
в звёздочках зверобоя.

В лапках качая сны,
спит на ветру люцерна...
Был бы мой сад иным,
ты не пришёл бы. Верно?

Мой лес

На небе еле теплится огонь,
и серым воском растекаются недели.
Не то поёт, не то вздыхает под ногой
вчерашний снег, поверивший в метели.

Засыпало тропинки. Никого.
Бреду, не думая, на ощупь, – всё знакомо...
Когда-нибудь я прорасти в тебе травой,
мой сонный лес, берёзовая дрёма.

А ветер взялся небо рассинить,
ворону сдул, она уходит правым галсом.
Я ем рябину, отнимая у синиц
оставленные на зиму припасы...

Вот видишь, ты опять о городах...

...Вот видишь, ты опять о городах.
Я слушаю внимательно, но сонно.
Гляжу на птиц в пространстве законном,
на скаты крыш, антенны, провода...
Рассказывай!
У нас опять пурга...
Набрякло небо, и не счесть аварий.
Не город, а, скажу тебе, виварий.
Податься бы (как думаешь?) в бега?
Пристрастно выбрать нижнее бельё.
Закинуть в шкаф изделия из меха –
так после изнурительных боёв
снимает воин пыльные доспехи...
Сойти по трапу, шурясь на страну,
где каждый камень в цену артефакта.
Взглянуть, вдохнуть, дотронуться... А так-то
не слишком много нового. Да ну...
К тому ж туристов бешеная рать...
Рассказывай!
Мне нравится плутать
в фантазиях твоих и не бояться,
что рухнет удивительный палаццо,
стечёт песком в воронку прошлых лет.
Такой простор для вымысла иного,
где каждое написанное слово –
намёк на то, чего в помине нет...

Сирена

*Сиренам было предсказано, что они погибнут, когда путник
пройдёт мимо их острова, не поддавшись искушению. Поэтому,
когда мимо них проплыл корабль Одиссея, они бросились в море
и обратились в утёсы.*

На рассвете, когда паруса растревожит бриз,
Ты уйдёшь, ни о чём не жалея, — о чём жалеть?
И в лицо полетят мириады холодных брызг,
И расплавится солнце — в море прольётся медь.

Удержать бы тебя, да вот только не знаю — как.
Что бродяге разлука среди череды разлук?
У тебя горизонт нараспашку, звенит бакштаг —
У меня только нежность песен и тонких рук.

Ты уже никогда не вернёшься, не надо лжи.
Впрочем, это неважно, мне выбора не дано:
Если ты не остался со мною, зачем мне жизнь?
На рассвете я серым камнем уйду на дно...

Что тебе написать?..

Что тебе написать? Здесь сегодня случился январь.
На столе недопитый чинзано, 0,7 мартиньяка...
Приоткрыла глаза... Обошлось без похмелья, однако.
А погода похмельная — серая снежная хмарь.

Чем тебя удивить? Не меняют контент даже сны.
Я ищу остроту ощущений в тоске и разлуке...
Не живу — наблюдаю за жизнью, как врач за больным.
Все симптомы известны, диагноз бесспорный до скуки.

Там, где Татры корябают небо гребёнкой вершин,
Угнездился туман — будто я в одночасье ослепла.
Посыпает мне голову хлопьями снежного пепла
Тот чудак, что горюет о всех в поднебесной глуши.

Это всё — бла-бла-бла. Я, наверно, должна о другом.
Что-то вечное и философское, чуть декаданса.
Синева под глазами, холодная бледность снегов,
Чёрный кофе, остывший в казённых объятых фаянса...

Я, пожалуй, не буду писать — ни сейчас, ни потом.
Что напрасно дразнить ничего не сулящим намёком?
Мы приходим сюда одиноки, уйдём одиноко.
Это, в общем, не так уж и радостно. Честно зато...

Январь. Татры

Отсюда, из спокойного нутра
 январских праздников, из лени и безделья,
 мир кажется не тем, что был вчера.
 Зудят ветра под окнами отеля,
 читают утомительный верлибр
 старухам пихтам, ржавым и скрипучим.
 Наутро тяжким бременем легли
 за Татры зацепившиеся тучи.
 Уютные дома и там и тут
 цветным драже рассыпаны по склонам
 и щурятся на небо, будто ждут
 обещанного им антициклона.
 Ещё туман клубится и царит –
 такой же древний, как подножья Меру,
 но в этом ожидании зари –
 и верность, и терпение, и вера.
 И жизнь как обязательный набор
 известных смыслов, действий и итогов
 мне чудится нелепой и убогой,
 когда заря струится из-за гор...

Меня пугают только сны

...Меня пугают только сны – расплывчаты, нечётки.
 Там лица – пятнами листвы на глади серых луж.
 Перебираю эти сны бессмысленно, как чётки.
 Сюжетов мелкие клочки не склеить – просто чушь.

Твои глаза... На чьём лице? Накурено. Не видно.
 Гудит толпа. Набит вагон... Дыхание сбоит:
 Мы в тёмном тамбуре вдвоём, и я твоя бесстыдно.
 Но – чей-то смех из-за спины. И руки не твои.

Несётся поезд. Глушит крик его надсадный грохот.
 Мне никуда не убежать и не позвать тебя.
 И эту сладость, этот стыд, предательскую похоть
 На сотню стонов в темноте колёса раздробят.

Бредёт с протянутой рукой по сумраку вагона
 Старуха – выцветшая тень моей (твоей?) вины...
 Проснусь и выгнусь, словно лук. Натянуты до звона,
 Дрожат во мне остатки сна, бессовестно хмельны.

Чёрно-белое

Падает, падает в темноту...
Чёрное небо. Снега белы.
Будто зима провела черту
И отделила меня от мглы.

Будто, почуяв мою тоску
(Ведь без тебя мне совсем никак),
Шьёт покрывало – лоскут, лоскут...
Выбелить хочет кромешный мрак.

Мне бы с ветрами сейчас повить,
Мне бы с деревьями стыть во сне,
Мне бы до первой дожить травы.
Чёрное. Белое. Небо. Снег...

Забутьё

Мне нужны тишина, полуявь, полусон.
В забытьё беспокойно, щекотно, расплывчато
заливаются сладкого сумрака звон
да неясные звуки далёкого причета...

Тихий шелест воды по седому песку,
выдох ветра, как стон заплутавшего призрака.
А в низине – тумана белёсый лоскут
да трава, на рассвете полёгшая низенько.

На поросшем лишайником влажном стволе
серый промельк... Почудилось? Ящерка словно бы.
Отражаясь в медовой сосновой смоле,
разрастается утро лучами багровыми.

В этом мире я стебель цветка под росой.
И, встречая рассветы земными поклонами,
я отчётливо слышу, как движется сок
в капиллярах моих. И взрываюсь бутонами...

Как холодно было...

Как холодно было, боже.
Оборванной ниткой бус
просыпались сны в ладони
моей бесконечной зимы.
Под мрамором бледной кожи
ещё спотыкался пульс,
но знала я: время тонет
в морозных узорах тьмы.

Ажурная, как снежинка,
замёрзла моя душа.
Метели моей вчерашней
мести и мести по земле.
Ну что ты молчишь? Скажи-ка:
и как мне теперь дышать?..
И ты не дыши. Так страшно
растаять в твоём тепле.

Отзвук

Из мутной безнадёги января,
Расчерченной на клетки старым пледом,
Всё чудится: весны в помине нет,
Вороний грай – безвременная тризна.

Но сосны, будто зная о морях,
Далёких, как Туманность Андромеды,
Так корабельно тянутся на свет...
...И я ловлю солёный отзвук бриза.

Амбулаторно

Уплывают на запад со скоростью в пару узлов
Анемичные тучи, тоски накурившись взятяг.
В перепутанных ветках деревьев беспомощно, зло
Трепыхается солнце, как бледная рыба в сетях.

Я боюсь до беспамятства каждого шага зимы —
И желаю её, извращённо предчувствуя боль.
Чем мучительней гибнет бывшее в объятиях тьмы,
Тем томительно-сладостней вновь становиться собой.

...Я смотрю за окно, и зима, заползая в меня,
Голубые прожилки вплетает в узоры свои
И, врачебную тайну под белым халатом храня,
Разливает под кожей спасительный лидокаин...

Почему так, мам?

Мам...
Почему иногда так хочется плакать?
Поднимается горечь, доходит до горла,
вылезает из тёмных углов тоска...
Будто, дождавшись знака,
Стая ворон взлетает из крошечного леска.

Хочется сжаться в комок — и зажать, обездвигить крик
Между рёбер, на самом дне бунтующих лёгких.
Мам,
Я люблю в этой жизни каждый дурацкий миг.
Отчего иногда так плохо?

Живу. Улыбаюсь. Списываю потери. Принимаю утраты.
Запихиваю в переполненный ящик
Мыслей бесценный хлам...

Но любовь в глазах моей собаки лохматой
Делает всё бессмысленным, ненастоящим.
Почему так, мам?..

Проскопия

Где ты? Как ты?.. Снег да ветер.
 Воеет чайник на плите.
 От зимы уже две трети
 перемолоты в метель,
 перетёрты в разговорах,
 перекурены молчком...
 Ночь спускается на город,
 расширяется зрачком.
 Как ты, что ты? В тёплой кухне
 куришь, форточку открыв.
 Хорошо, зимою мух нет —
 на крючке помойка тухнет
 с бутылками из-под пив.
 Выходные. Ты небритый.
 Макароны варишь впрок...
 И посуда сталагмитом
 подпирает потолок.
 Смотрит ночь в твою берлогу.
 Тополь — месяцу причал...
 Ты, как Маугли, ей-богу,
 совершенно одичал.
 Выкинь мусор и побрейся.
 Я практически в пути.
 А душе — не ждать же рейса?
 Глянь в окно, уже летит.

Если поздно

Слишком поздно...
 Внутри что-то трескало и чадило.
 Так, наверно, душа догорает — свеча свечой.
 Время маятник мерно качало, как поп кадило,
 И хромыми ногами по кругу себе ходило —
 Может, просто искало, куда же оно течёт?

Если поздно, то незачем в прошлом искать ответа.
 Надо просто уехать. В запасе ещё шесть бед.
 Говорят, в том краю, где хоронит зима рассветы,
 Есть отличный курорт — побережье прохладной Леты.
 Там вода цвета ртути, и в ней отражений нет.

Там всегда одинаково сумрачны ночь и полдень.
 Выплываю, дрожа. Ни тебя, ни меня. Абсурд.
 Вот и всё. Я свободна. И ты от меня свободен.

...Отчего же тактильная память опять подводит?
 И фантомную боль анальгетики не берут...

Сирин

Я теперь и не вспомню, наверно,
Было это иль не было вовсе.
Стала память не память — каверна.
Седина заменила мне проседь...

Будто август. И яблони тяжко
Прогибаются Спасу навстречу.
Тянут шеи за ветром ромашки,
Принимая прохладу и вечер.

Пахнет сеном раскинутым, мятой,
От дороги — распаренной пылью...
В тишине бестревожной закатной
Вдруг захлопали бешено крылья.

Закачалась полынь у порога.
«Что же держит тебя в этом мире?
Собирайся, я знаю дорогу...»
Повстречаешь — не верь птице Сирин...

...Там родник бормотал добродушно.
Я узнала и тени, и лица,
Потянулась навстречу... и тут же
С громким хохотом сгнула птица.

...С той поры я ищу это место —
Пряный сумрак и дрожь незабудок.
Обещала мне птица блаженство,
А украла последний рассудок...

Молитва

Прорастая друг другом, сплетаясь корнями,
мы знаем, что осень неотвратима,
что она однажды придёт за нами
с холодом-побратимом,
обрывая листья бездумно, походя,
вырывая страницы памяти, подменяя оттенки фраз...
Но, пока не случилось этого, Господи,
не остави нас...

Обочина

Я искала тебя. Мне казалось, найдётся потеря.
Я же знала: ты есть. А дожждаться — да ну, пустяки.
Я входила в подъезды, скрипели ворчливые двери,
Верещали испуганно в полночь дверные звонки...

Я искала везде. За ветрами неслась заполошно.
Задыхалась предчувствием, видела вещие сны.
И приметы счастливые я собирала по крошкам,
Потому что для счастья они, безусловно, нужны.

Только что-то напугали, видно, уставшие боги.
В календарь заглянули: не в нынешней жизни, ах да!..
Я осталась цветком на обочине дальней дороги,
По которой тебе не пройти никогда.
Никогда...

Старушка из соседнего подъезда

Нападал снег. Бредёт по целине
старушка из соседнего подъезда.
Вот так и я — упёрто, бесполезно
пойду бродить по снежной тишине,
жевать губами пасмурные мысли,
нащупывать в кармане валидол,
смотреть, как неба серенький подол
застиранным бельём на соснах виснет;
подсчитывать оставшиеся дни —
так буднично, как мелочь в гастрономе...
И радоваться: помнят дети, помнят! —
Вот сын недели три, как позвонил...

Старик

...Старик бормотал, рассыпая ошмётки фраз.
Он был долговяз, бородат и довольно дряхл,
Космат, словно спорил со всеми ветрами враз,
И сед, как полынь на заброшенных пустырях.

– Ты думаешь, будто я старый безумный бомж.
Шарахнулась в сторону, только присел на край.
Да я необидчив, чего там, но, хошь – не хошь,
Я всё же задумаюсь, брать ли такую в рай.

А вот тут недавно хотел поболтать с одним.
Бормочет: «О господи...» Думал: признал, сынок!
А он – наутёк... А душа до сих пор саднит.
Выходит, на деле не так вам и нужен бог.

А помнишь? Бывалоча я преломлял хлеба!
Вот крошки остались... Дырявый карман – беда!
Не хочешь? Ну, гулюшкам... Ладно, бывай, раба...
Поднялся старик и пошёл не пойми куда...

Будничное

Истончившись до нитки, похмельно сдыхает пульс.
Громяющий поезд навывлет пробил висок.
Выходное отверстие – рваный бубновый туз.
Время кончилось – лопнула колба, сбежал песок.

Онемевшие пальцы не чувят текстуру дней.
Отрывается век – непутёвый бродяга-тромб.
Надышавшись рекламным неоном, хрипит сильней
Этот город, которому толпами рвёт нутро.

Этот город, хранящий на флэшках свою судьбу,
Посылающий дворников глупо тревожить пыль...
Я видала его, как и сотню других, в гробу.
Я списала его, как и массу других, в утиль.

Он истоптан до дыр, и дороги трещат по швам.
Наша память опять проиграла вселенский блиц.
Из провалов её вылезает на свет трава
И зелёными пальцами гладит края глазниц...

Самое обычное

Когда твоя звезда уже не та,
смени звезду на что-нибудь иное,
вполне себе простое и земное,
как самая обычная мечта —
о тёплой кухне в минус двадцать пять,
о ливне, всполошившем целый город,
о дымчатой малине у забора,
о том, что к морю в августе опять...
А там под крики горлиц и цикад
проснуться в тех единственных объятьях...
И, надевая синенькое платье,
ловить в трюмо горячий сонный взгляд...

На исходе зимы

На исходе зимы устаёшь от потери тепла,
и на радужке снег будто вовсе не тает. Не тает...
И всё кажется мне, что до первого снега была
я немножко другая, а может, и вовсе другая.

Я босыми ногами стою на холодном полу,
и глядит на меня настороженно, будто дворняга,
эта женщина в зеркале, белая, словно бумага.
А глаза у неё прогорели в седую золу.

Матерееет сквозняк. Леденеет в ладонях вода.
На вопросы свои я давно получила ответы.
Диалог ни к чему. Мы расходимся. Ей в никуда.
А в моём зазеркалье — холодные тени рассвета.

На исходе зимы одинокий вдвойне одинок.
Бесконечные сумерки шарят по улицам слепо...
Я тащу на себе это серое снежное небо
в направлении лета, да толком не знаю дорог...

Пусть они поживут

Прилетела зима. А кому она, к чёрту, нужна?
Умирать лучше летом, да выбор не очень богатый...
Как нелепа война — вот такая, без фрицев, война,
Где стреляют в дедов, что видали весну в сорок пятом.

В этом марте не все захмелеют от тёплых ветров,
И кому повезёт из весенних ручьев причаститься,
А кого завернут в этот рваный священный покров —
Отсыревшее небо с текстурой линялого ситца.

Пусть они поживут. Пусть они до весны доживут.
...Падал медленный снег, а мерещилось в глупом бессилье,
Будто белые птицы, слетая в сухую траву,
Умирили, раскинув беспомощно ломкие крылья...

Обними. Я устала

День открыл и захлопнул десятки дверей,
и назавтра начнётся сначала.
Близорукие сумерки, чад фонарей...
Обними.
Я устала.

Жизнь — безумная бабка-портниха. Кроит
этот мир по дурному лекалу.
Только вечер, как прежде, один на двоих.
Обними.
Я устала.

Целый день суета, пустота, круговерть...
Мне тебя до безумия мало.
Прикастаться и слушать, вдыхать и смотреть...
Обними.
Я устала...

Всё на потом

...Нет, до весны. Всё до весны —
Твоя любовь, цветные сны
И полусладкое «Апсны»...
Всё до весны.

Сейчас не так и не о том.
Где минус двадцать за бортом,
Там «Куба либре» (кола, ром)
И в горле ком.

Ещё недавно, вспомни, ну,
Июль над морем жёг луну,
Стекали звёзды в тишину
И шли ко дну.

А лето, время взяв в полон,
Дышало в окна тяжело,
Закатом плавало стекло.
Текло, текло...

Сползало солнце в знак Весов,
Сентябрь над золотом иссох,
А осень сыпала песок
Своих часов...

Нет, до весны. Всё на потом.
И в горле ком, как снежный ком.
Порою плачется легко.
Зачем? По ком?

Искать причины, смыслы, суть,
Альбомы старые листнуть.
Ты там с другой, я с кем-нибудь...
Да ну. Забуди.

Всё это после. А сейчас,
В стеклянных сумерках сплетясь,
Чернеют будущего вязь
И голый вяз...

Лимит

Зашвырну на антресоли
 Всё, что было, всё, что есть,
 И пойду себе на волю,
 От порога — сразу в поле,
 Рано утром, где-то в шесть.

Свистну рыженькую пони,
 Что погрызла лопухи,
 И никто нас не догонит
 В колокольчиковом звоне —
 Мы отважны и лихи!

Там, где ярко, семипало
 Шарит радуга в траве,
 Приоткрыта дверь портала...
 Я летала по астралу —
 Только ветер в голове!

...В чём секрет потусторонний?
 Ровно в полночь, вот беда,
 Без истерик, без агоний
 Превратилась в тыкву пони.
 Вот такая ерунда.

Есть лимит у чуда, что ли?
 Звёзды зыркают во мглу.
 Тыкву я тащу по полю —
 Уберу на антресоли,
 К остальному барахлу...

Окна

Сползает ночь в порожние дворы,
 Течёт по крышам старых двухэтажек,
 Хранящих полусонные миры,
 Стоящих у минувшего на страже.
 Сквозняк шершаво гладит кирпичи.
 Фонарь, мигая, тьму взвалил на плечи.
 Февраль воспоминаньями горчит.
 Быть может, март от горечи излечит?

Ложатся тени синие на снег...
 Пусть не пришлось родиться мне в рубашке,
 Есть у меня бесценный оберег —
 Янтарь вечерних окон в двухэтажке.

И дольше метелей

И дольше метелей тоска моя по весне —
С тех пор, как в томительном августе падали яблоки
И вместе с закатом арбуз на столе краснел,
А после сентябрь золотые пускал кораблики.

И всё мне мечтается вычислить эту грань...
Скажи мне, давно ли тебе одинаковы осени?
И первого инея хрупкая филигрань,
И холод, бегущий сосудами кровеносными?

Давно в листопаде пленительном и хмельном
Мне кажется каждый листочек на память заученным,
И горечь осенних дымов не пьянит давно,
А только предчувствием долгих морозов мучает.

Когда же я сбилась со счёта, смешала дни
И стала, как бусины, годы нанизывать походя?
И только весна непонятно зачем манит.
Обманет, я помню. Но пусть же приходит, господи...

Вот такая любовь

...А любовь у тебя с самой маленькой буквы «л» —
Буквы-циркуля, точно отмерившей всё, что можно:
Как надолго обнять, чтобы разум остался цел;
Где коснуться губами и как — чтоб не влиться подкожно;

Сколько нужно курить, чтобы пульсом тебе (раз-два)
Не дробило запястья на сотни шальных осколков;
Как подолгу молчать и какие забыть слова,
Чтоб потом не болело нигде, ничего, нисколько...

Вот такая любовь — с самой маленькой буквы «л»...

У меня и у тебя

...А у меня-то, господи боже мой,
 Лужи под окнами, серый лёд.
 В дворик мой, вдоль-поперёк исхоженный,
 Гулко по трубам весна течёт.

А у тебя тревоги значительны:
 Завтра театр, сегодня концерт.
 Кафка, Камю, испанский с учителем:
 Сигно в начале, сигно в конце...¹

Может быть, вместе в лес, по проталинам?
 Прелые листья шуршат слегка.
 Помнишь, однажды белку видали там?..
 Я понимаю... давай, пока.

Запивая любовь

Запивая любовь рубиновым «киндзмараули»,
 я гляжу за окно, где в лужах масляны фонари.
 Распоследних снежинок рой улетает, наверно, в улей.
 Я похожа на эту ночь – ни кормила нет, ни ветрил.

Эта ночь – словно бабочка: обманутая закатом,
 позабыв обиду, бездумно летит на рассвет..
 Что любое окно? Вид из прокуренного плацкарта
 на далёкую станцию, которой в помине нет.

Проползает автобус – страшный сон задремавших улиц.
 Ты подходишь, целуешь, кутаешь плечи в плед.
 Запивая любовь рубиновым «киндзмараули»,
 я рисую улитку на запотевшем оконном стекле.

¹ Испанцы настолько эмоциональны, что им сразу нужно знать, с какой интонацией произносить ту или иную фразу. Поэтому вопросительный (Signo de interrogacion) и восклицательный (Signo de admiracion) знаки ставятся не только в конце, но и в начале предложения. Причём в начале предложения в перевёрнутом виде.

Последний штрих

...А потом мотыльки позабыли привычные шалости:
 Догорела свеча, отражаясь в оконном стекле.
 Стынут пальцы мои – ты согрей их в ладонях,
 пожалуйста.
 Разгорается лунная полночь в небесной золе.

Ночь стелила на хрусткие простыни тени лоскутные
 И мотала в клубок разноцветные ниточки сна,
 А цветы полусонно шептались с ветрами беспутными
 И тянулись в проём приоткрытого нами окна.

Ты всегда возвращайся сюда, если станешь тревожиться...
 Было слышно, как ласково в речке ворчала вода.
 Рисовала заря акварелью, слепая художница.
 И последним штрихом с небосклона упала звезда...

Колоколенка

В тёплой заводи небесной, на бугре
 Колоколенка чудесна в сентябре.
 Не звонит она, не плачет ни по ком,
 Будто благовест ей вовсе не знаком.
 Было дело много лет тому назад:
 Залезал на колоколенку солдат,
 Привалился к штукатуреной стене
 И забыл минут на десять о войне.
 Пожевал травинку, сплюнул... Да и вот
 Зачастил по косогору пулемёт.
 Колоколенка была-то непростой,
 Называлась в эту пору высотой...
 В синем небе не доплыть до берегов.
 В чистом поле было множество врагов.
 Ах, звонить бы колоколенке в набат,
 Может, выжил бы молоденький солдат.
 Ведь бывало – поднимала всё село...
 Только не было на ней колоколов.

В тёплой заводи небесной, на бугре
 Колоколенка чудесна в сентябре.
 Но солдатика, погибшего в войну,
 Не оплакать ей, никак не помянуть.
 Да и были бы на ней колокола,
 Колоколенка б заплакать не смогла –
 От беды такой чернеют да молчат.

Вот и воет только с ветром по ночам...

Этот мир

Позабыты давно адресаты написанных писем.
Ах, какой же по счёту была та лихая весна?..
И остались от прошлого пара сомнительных истин,
Чей-то голос в толпе и обрывок тревожного сна.

Но когда вечерами секунды скребутся, как мыши,
Выползая из старых часов на потёртый паркет,
Я жалею о том, что под окнами спилены вишни
И ни лавочек нет, ни старушек на лавочках нет.

Примирившись однажды с известным законом природы
—
Мол, родился на свет, значит, время придёт помереть, —
Я давно не ищу переправы, моста или брода...
Только жаль, двухэтажки ломают в соседнем дворе.

Я придумала мир с серебром тополей и туманов,
Под босыми ногами шершавый и тёплый асфальт...
Я уйду, распахав этот сказочный мир по карманам.
Только письма останутся. Что в них? Не помню. А жаль...

Навыи

...Вот голубая прозрачная гора царства навьих —
предков, свет и жилище душ. Здесь хранилище всех
семян, здесь солнце отдыхает после дня.

Валентин Иванов, Русь изначальная

Навыи, встречайте, когда подойдёт мой срок.
Ночь наступает, если закат остыл.
Знаю, душисты в ваших лугах цветы
И в многотравье медвяный струится сок.

Капли росы — зеркала неземных миров.
Взмою, как птица, — души легки, легки...
Навыи, ловите в сети иной тоски,
Спойте под музыку мятных своих ветров.

В августе звёзды роняет беспечный бог.
Глянeshь на небо — вспомни, что я была.
Стану прозрачна, стану белым-бела...
Навыи, встречайте, когда подойдёт мой срок...

Колея

Моя Россия. Рыжая земля,
Раскисшая от стаявшего снега,
Идущая до края колея
Среди травы безжизненной и пегой.

Над вырубкой висит дремотный дым,
Горчит и дразнит смутным непокоем —
Ночными полустанками, тоскою
И привкусом колодезной воды.

И хочется махнуть рукой, ей-богу,
Знакомым окнам, улицам в пыли;
Идти, идти просёлочной дорогой
По скользкому суглинку колеи;

Смотреть, как тлеет солнечный окурок
В тумане припоздлившейся зари...

Вы памяти моей поводыри,
Весна и осень, свет и зябкий сумрак...

Призрак гор

В горах, где нет от века ни души,
Ты, призрак, дремлешь в гуле водопадов.
Среди лугов и выставших вершин
Ты бережёшь бесчисленные клады —

Хрусталь реки, рубиновый закат,
Янтарь сосны и золото полудней,
Беззвёздной тьмы таинственный гагат —
Волшебный камень полночи-колдуньи.

Твой голос — эхо вечной тишины,
И шум травы, и плеск ручья в низине.
Безмолвием твоим оглушены,
Текут века в серебряной полыни.

Ты Землю охраняешь от потерь,
А сам бежать надеешься из плена...
Ты — призрак гор, суровый дикий зверь,
Ручной зверёк хозяина Вселенной.

Вчерашний снег

Я таилась от зимы
полуптицей-полузверем,
я задёргивала шторы
на душе и на окне.
Ты с руки меня кормил
и дышал на пальцы, грея,
а зима лизала город,
а зима крошила снег.

Я свила себе гнездо
и в клубок мотала нервы,
мысли, страхи, сны и строчки,
бесполезные к утру.
Мне хотелось всем назло
распустить на нитки скверный
полусумрак, зимний прочерк,
эту чёрную дыру.

Ты меня в ладони брал
и тепло и непонятно
бормотал о дальних странах,
пляжах, пиве... чёрт-те чём.
И оранжевое бра
золотилось в чае мятном...
Я спала, а ты обманом
целовал меня в плечо.

Дни тянулись — просто жуть,
мы с тобою одичали.
Но однажды снег вчерашний
стал водой и был таков.
И сегодня я вяжу
из распущенной печали
небо синее в кудряшках
бестолковых облаков.

Здесь и там

Скрипят на озере уключины,
Мостки дают опасный крен...
Давай вернёмся, невезучие,
Туда из наших ойкумен.

Моя судьба не переменится.
А мне-то что? Пойду в обход.
Билет плацкартный – индульгенция
И отпущение грехов.

И я с перрона прямо в прошлое
Шагну, не ведая, где брод.
И на душе когтистой кошкою
Уже ничто не заскребёт.

Мне здесь то маетно, то суетно,
Рассвета бледен сухоцвет.
И вновь беда моя пасует, но
Я с ней давно уже в родстве.

А там, где вызрели озимые,
Туманы сонные легки
И синеглазыми разинями
Глядят на солнце васильки.

Черна поспевшая смородина
Такой цыганщиной хмельной...
Да как же так, ты медлишь вроде бы?
Давай, поехали со мной!

Где окна теплятся иконами,
Благословляя скуку дней,
Мы примем эту боль фантомную
Своих оборванных корней...

Здравствуй, ночь

Ну, здравствуй, ночь. Грудную клетку распахнув,
Сорви закат с худых беспомощных ветвей,
Багряной мглой пролейся, заалей,
Тащи ко дну.

Закрутят омуты. Взорвётся, зазвенит
Протяжный сон, осенним золотом рябя.
В нём — ты. Бездумно падаю в тебя,
Теряя стыд.

Срываясь, слышу громкий смех, вдыхаю чад
Горящих трав и увядающих цветов.
Роятся тени, тянутся... Вы кто?!
Они молчат...

Послушай, ночь, я эти сны, как крест, несу —
Мне тайны тёмные доверены тобой.
Но на заре срываю зверобой
И пью росу...

Вдох. Выдох

Вдох. Выдох. Сердце пугает стуком.
Гляжу настороженно, будто впервые вижу
мир, увеличенный мутной весенней лупой:
вот оборванец, ты всё-таки снова выжил!

Вдох. Выдох. В рыжих потёках света,
в скрежетанье дверей (будто были закрыты вечно),
в похотливом дрожанье наполненных соком веток
я ловлю не любовь, а хотя бы намёк на встречу.

Вдох. Выдох. На ниточке пульса висну.
Ты будешь желтеть мать-и-мачехой, я — смеяться.
Да ради такого во веки веков и присно
я готова кормить и выгуливать солнечных зайцев!..

Вой

Я просто холодный ветер,
Несущий золу и горечь.
Мой полдень дождлив и бледен.
Глуха и промозгла полночь.

Я был у чужих пожарищ,
Там небо от дыма слепо,
И струны мои дрожали,
И голос охрип от пепла.

Вы дома в тепле за чаем
Полжизни сидеть готовы.
А видели, как качают
Убитых младенцев вдовы?

У них остывает сердце
И вой не по-волчьи долог...
Пустите меня погреться
На синем тепле конфорок.

Вдохните холодной боли,
Тоску ледяную пейте!..

*

– Там кто-то рыдает, что ли?
– Да нет, это просто ветер...

Возле лампочки заката

Ларисе Ильиной

Трепыхается, как бабочка,
День у лампочки заката.
Посидим с тобой на лавочке,
Как сидели мы когда-то.

Пара пива с сигареткою.
Наши дети что-то выросли.
И общаемся так редко мы,
Преимущественно – мысленно.

Своего не помню имени –
Суета, дела да случаи.
Ты, пожалуйста, прости меня,
Что подруга я не лучшая...

А вот сердце, знаешь, тренькает –
Видно, дело всё же к старости...
Может, выкроим недельку мы
И махнём на море в августе?

Помнишь, дети были крошками.
Всё мечтали: вот как вырастут!..
А теперь свободу – ложками,
Да в свободе этой смысла-то...

Ты в очках? И у меня очки.
Не идут мне, супостаты.
Эх...
Трепыхаемся, как бабочки,
Возле лампочки заката...

След на сырой траве

Слепок с моей души —
 След на сырой траве.
 Каждый мой день пошит
 Из лоскутов полей,
 Из пестроты лугов
 Пьяных — вдохни да плачь...
 Там, где закат багров,
 Там, где рассвет горяч,
 Тьма — это только сон,
 Вечность, которой нет,
 Время — речной песок,
 С медным отливом свет.
 В реку войду сто раз,
 Омут да отмель — те ж.
 Я не совсем сбылась —
 Я заплутала меж
 Серых речных осок,
 Тёплых шершавых дней.
 Здесь изумрудный мох
 Греет горбы камней
 Ныне и присно, впрок...

Не выдавай молве
 Тайну моих дорог,
 След на сырой траве...

Зеркало

Стустилась тьма. Готовь вино.
 Уже скулит, ломая пальцы,
 твоя тоска. Скажи, давно ль
 ты сам себе решил признаться
 в слепой покорности ветрам —
 беспутным баловням Вселенной?..
 Чего ты ждёшь? Уже пора.
 Вино торопится по венам.
 В твоём бокале отражён,
 алеет месяц, словно бритва.
 Но им зарезанный божок
 воскреснет с утренней молитвой.
 Пора бежать. Дрожит свеча
 и гонит мрак из анфилады
 рождённых зеркалом начал.
 Сосёт испарину прохлада...
 Шагни на свет.

Звенит стекло.
 Кружатся тени в хороводе.
 Ползут секунды тяжело...
 Ну, вот и всё. Теперь свободен.

Тлеет обескровленный восток,
 стекала ночь в свою нирвану.
 Метнулся ветер. Огонёк
 тоскливо дёрнулся — и канул...

Как будто штиль

Ветер гулял в голове, рвались паруса.
Нынче как будто и штиль, но прогноз неточен...
Тихая гавань, асьенда, тенистый сад.
Томик Петрарки, шиповник, цикады ночью.

Нижние юбки и зонтик от солнца — ах!
Чай с чабрецом на террасе, сиеста, вереск...
Бледными пальцами сломан цветок в сердцах.
В дамском седле и галоп не галоп, ты веришь?

Ждать ли, когда пропадём, словно Порт-Рояль?!
Поздно, загнувшись, фортуне давать на лапу.
Тихая гавань... конечно, немного жаль...
Дай-ка мне руку, отвыкла от узких трапов!

Капля. Отзвук

Чмокнет капля по крыше — опять тишина.
Это соло секунды, сорвавшейся с круга, —
Упорхнула в открытую створку окна...
Время дальше идёт, время на ухо туго.
Я же слушаю отзвук. А он вдалеке
Рассыпается брызгами, виснет на ветках,
Застывает прозрачной смолой в сосняке
И во двор не вернётся... А там, в молоке
Нарождённого дня, тонет дворник Ахметка
И уносит прибой прошлогодней листвы
Непонятный напев — вроде долгого стога.
И лениво шевелится тёмная штора —
Это ветер надумал дуэтом повить.

Чмокнет капля по жести... Ты спишь. Тишина.
Я смотрю на тебя. Я в тебя влюблена...

Я останусь

Заползаю жучком под кору первобытных инстинктов.
Остываю в безветренном холоде анабиоза.
Расползается мир, словно ветхая тряпка. Да что за?!
И мелодия та же. Но только затёрта пластинка.

Разрываются связи. От альфы отбилась омега.
Распадается радуга, гаснут цветные волокна.
Ты не знаешь... А я не ушла, оглянувшись на окна.
Я останусь на вечные веки твоим оберегом.

...Будут волны послушно ласкать полумрак языками.
Я очнусь, замурована в капле соснового сока.
Миллионы веков истончатся до звона, до срока —
И под ноги тебе море выкинет солнечный камень.

Отражения

Расскажи мне про лунные ночи в чужих краях,
Про нураги¹ Сардинии — тайну других времён,
Про колодцы, где исстари мается звук, троясь,
И руины, в которых скребётся седой паслён.

Расскажи мне, как вырезал сердце врагу ацтек,
Как в Вальгалле пируют вояки, вкушая мёд,
Как положено пить через трубочку чай мате
И кому свою плоть подарил овдовевший Лот².

Говори, собирая себя в закоулках лет,
Отражаясь в огнях допотопной хмельной росы...
Настоящего нет — и прошедшего тоже нет.
Время — пыль у подножия ясеня Иггдрасиль³.

¹ Нураги — древние башни неизвестного предназначения странной формы и кладки.

² Лот — персонаж библейской притчи о Лоте и его дочерях.

³ Ясень Иггдрасиль — мировое древо (скандинавская мифология).

Капсихор¹

На сонных улицах жара.
Ленива туча в пыльном небе.
Дрожит заката алый гребень,
Рождая зарево в горах.

Средь туй и сосен на холме
Тропа узка и камениста.
Крик чайки горек и неистов
Ворчанью горлицы взамен.

Взбираюсь меж могильных плит.
За мною тянется цикорий.
Внизу хрипато дышит море,
Качая сейнеры вдали.

И я гляжу на Капсихор,
На крыши в серой черепице,
Построек скучных вереницу
И пирс, разбитый в зимний шторм;

На вечных будней череду,
На эту пыльную дорогу —
И понимаю: ближе к богу
Они покойников кладут...

Фасады

Фасады этих старых городков
(От Праги — через Краков — Рига — Таллин,
Где Старый Томас стар и не брутален,
Хоть пять веков назад и был таков) —

Так вот, фасады чудо хороши,
И окна беззащитно-близоруки.
Мы, им поверив, рвёмся в переулки
И входим в раж, считая виражи.

Как пряничные домики свежи!
Послушай, Гензель (громкость поубавь-ка!):
У этой старой дамы за прилавком
Вставная челюсть — хищная, скажи?

Здесь древность наряжается во мхи,
Булыжниками щерится щербато...
Европа, ты красива и богата,
Но я домой, в деревню, в лопухи.

¹ Капсихор — историческое название села Морское, Крым.

Чудесно!

Раздулись лужи, в очках диоптрии будто.
Почки – весёлая ряска на сером воздухе.
Снова с тобой я встречаю сырое утро
И пью это утро всё так же – взалхлеб, без просыха.

Но если моё октановое число
Не выдержит степени сжатия в твоих объятиях,
Я самовоспламенюсь этой огнеупорной весной.
Ты любишь меня? Чудесно. И я тебя!

Ты спишь?..

Ты спишь? Не спи. Давай болтать о главном –
О расстояньях между городами,
Которые проходят пилигримы.
У них в котомке соль, краюха хлеба –
Ржаного, с хрусткой корочкой... А знаешь,
Когда весной из леса тянет прелью
И дым костра доносит горький ветер,
Мне хочется идти, идти просёлком
На Русский Север, где монастыри
Стоят на месте капищ позабытых,
Где тёплый ягель нянькает бруснику
И рыжих сосен тонкие стволы
Родят янтарь, играющий на солнце...

Ты спишь? Не спи. Не спи, давай шептать,
Пугая тени в лунном полумраке, –
О том, что с неба падает звезда
И, если проводить её глазами,
Узнаешь о причудливых краях,
Куда от века ходят пилигримы –
И я пойду однажды. Ты со мной?..

Ты спишь. А с неба падает звезда...

Ни следа

От меня — ни следа, ни полслова, ни камня на камне.
Только горсточку кварков швырну я на солнечный ветер...
Видишь каплю дождя — отчего же она так близка мне?
Я вернусь этой каплей, по стеблю сползу на рассвете.

И цветок, ожидавший меня терпеливо и жадно
На глухом пустыре посреди векового бурьяна,
Захмелеет, потянется, нежно вбирая прохладу,
Побратимом восхода раскроется, вспыхнет багряно.

Вместе с ним лупогазо на мир любоваться я буду...
Я и всё — и ничто. Я нигде. Я всегда и повсюду.

Рваное небо

Небо непрочно и рвётся, бывает, вдрызг.
Шарят по небу лучами прожектора.
Юнкеры воют, их вой переходит в визг.
Рваное небо, рваное небо, рва...

Слушай, запомни: ты видишь кошмарный сон.
Время придёт, ты проснёшься живым, малыш.
Хлеб, молоко, за окном колокольный звон —
Благовест будто бы льётся с горбатых крыш.

Мы доживём. Захлебнутся слезами псы,
Те, кто людей штабелями в суглинок рва.
Кто ж, как не мы, будет штопать однажды, сын,
Рваное небо, рваное небо, рва...

Кошачий хвост

Чёрной кошкой, вкрадчиво и грешно,
Эта ночь наступает на лапы дня.
Он шумит деревьями, как блажной,
И беспомощно бьётся в её тенях.

Поперёк дороги ложится тьма,
Тянет гибкое тело и пьёт из луж,
Выпускает страхи в ночной туман.
Эти страхи — ловцы никудышных душ.

И крадутся страхи, скрипят, шуршат,
Тошей веткой в окошко скребут ко мне:
«Расскажи, темна ли твоя душа?
Засыпай, засыпай, отлетит во сне...»

Но приснятся мне васильки во ржи
И над травами — радуги жаркий мост...
И пугливо ночь от меня сбежит,
Подпалив на рассвете кошачий хвост.

Амбразура

Есть в атаке весны эпатаж от игры ва-банк,
Безнадёга и фарс, суицид и шальной азарт.
Я давно не герой, я не жалею пыл[ь] атак
И не верю в далёкие страны с дурацких карт.

Не курю чёрт-те что, не ищу никого в толпе.
Мятный чай, иногда пара пива — и весь запой.
Но когда начинает лупить во дворе капель,
Я опять становлюсь ненормальной самой собой.

Покажи города, до которых сто вёрст — не крик,
Бастионы с холодным прищуром пустых бойниц.
Перепутаю сердца — колёс — барабанов стук.
Неприкаянной тенью паду перед храмом ниц.

Ну и пусть всё закончится осенью, как всегда,
И с деревьев сорвётся листвы бестолковый рой,
Но покуда мне снятся дороги и поезда,
Амбразуру, где мается сердце, собой закрой.

Мой огонь

Ты сидишь у ночного костра.
Горький дым выедаёт печали.
Пахнет травами, как в сенокос,
И набухшей от ливня землёй.

Расскажи, отчего по утрам
В полусне мне мерещиться стали
Уходящий по водам Христос
Да Иуда с готовой петлёй?

Выжигает на сердце костёр
Допотопные тайные знаки —
Письмена моих прошлых судеб.
Не сумею прочесть, не проси.

Берега у далёких озёр
Так красивы, что хочется плакать
И бежать босиком по воде,
Расплескав отраженья осин.

Я однажды проснусь до зари,
Разобрав бесконечности лепет,
И собьётся в груди перестук,
Переменятся боги и сны.

Но, когда мой огонь догорит
И на углях состарится пепел,
Будут звёзды и [с]криться вокруг
Уходящей на нерест луны.

Оказалось — так просто

Ты не знал ни меня, ни беды моей, ни тоски.
Ты же думал — я птичка на ветке: пою, скачу.
Оказалось, давно поседели мои виски.
Оказалось, что я и болтать не люблю ничуть.

Что слова? Разговоры да сны — как в реке вода:
Поматросят и бросят, какая там точка джи...
Оказалось — так просто: веди меня хоть куда,
Только имя придумай и руку в своей держи.

На ладонях твоих тонким шрамом тянусь, тянусь,
А в глазах у тебя золотая клубится тьма...
Мы с тобой перепутались, сбились в единый пульс,
И от этого «мы» я, ей-богу, схожу с ума.

Жить — это просто

Жить — это просто. Дорога. Дом.
Тёплые доски пола.
Старая булочная за углом.
В паре кварталов школа.

Няня наварит кислые щи,
Молча глядит куда-то.
— Вот, — говорит, — из всех мужчин
Двое пришло ребят-то...

Тянет из леса дождём и костром.
Ветер качает тополь.
— Мужа-то Мишу — в сорок втором.
Где это — Севастополь?

Пляшет ленивая пыль в лучах.
Время идёт чуть слышно...
— Я иногда зову по ночам:
Ми-и-иша! Ми-и-иша!..

Няня глядит в этот сорок второй,
Плачет. Кивает мелко.
Нам по двенадцать. Сидим с сестрой,
Мучаем щи в тарелках.

Руки у няни в венах-корнях,
Бледных веснушек просо...
Вот бы на озеро на полдня!
Жить — это просто.

Время рыжих вечеров

Приходит время рыжих вечеров,
Когда июнь, одышливый, дремотный,
Вползает в запустение дворов
И стелет гать по звёздному болоту
Из веток беспокойных тополей —
Глухонемых, кричащих на амслене,
А Млечный Путь готовится сомлеть
От духоты, бессонницы и лени.

И селится тревожное во мне —
Хмельное и пугающее сразу,
Когда из тарабарщины теней
Я складываю будущего пазлы.
Материя шершава и темна,
Прохладна и податливо-упряма.
Я чувствую на ощупь времена —
Рубцы и стыки, оспины и шрамы,
Вдыхаю пепел с горечью ветров.

Приходит время рыжих вечеров...

Ищи — не ищи

По хвое тёплой, с носка да на пятку
 (на секунду замри — прирастёшь, прорастёшь
 стебельком),
 я утром рано уйду без оглядки.
 Ищи, не ищи — не найдёшь.
 Я уже далеко.

Вернутся сны, и раздастся над лесом
 вслед за тоненьким птичьим зовущим к колодцу пи-ить
 не скрип сосны — скрип калитки небесной,
 которую кто-то открыл
 и забыл притворить...

Хочешь узнать, что такое безумие?

Хочешь узнать, что такое безумие,
 как от меня отрывается мир?
 Ниточка дёрнется непредсказуемо —
 и...

И, улетаю, цепляюсь за травы я,
 криком кричу — не рождается звук.
 Линию жизни о ветки корявые
 рву.

Звёзды в глазах. Этих звёзд за глаза уже.
 Сердце толкнулось, скатилось луной.
 И темнота рассыпается радужной
 мной.

Хочешь, скажу, чем ужасно безумие?
 Нет, не размытостью полутонов,
 не монотонным бессмысленным зуммером
 снов.

Страшно не то, что оборвана ниточка
 или внутри поднимается вой, —
 то, что не можешь дотронуться ни-до-че-
 го...

Угол. Fiat lux

В сумраке моего затерянного угла
Лампе уже не спасти никого, ничто.
Бледный пучок искусственного тепла
Насмерть застрял в орнаменте пыльных штор.

Хочешь, давай посмотрим, а что же за?
Глупым фасеточным глазом лоснится ночь.
В лапах Медведицы сонно чадит пульсар.
Может, Вселенная просто мне снится, но

В холоде моего затерянного угла,
В холоде пальцев, скользящих по кромке губ,
Так же беззвучно и хищно клубится мгла.
Ты же её посланец, скажи, инкуб?

Но в бесконечном сумраке, меж теней,
Где тишина пауком по руке... о нет...
Нянчи меня, забытую, в полусне,
Ты, из холодной бездны несущий свет.

Тишина, которая звучит

Есть ты и я. Меж нами сто дорог
и тишина, которая звучит
собачьим лаем, стрёкотом сорок,
уютным треском в старенькой печи,
то выдохом, то вдохом сквозняков,
шуршаньем трав и кваканьем в пруду,
и грохотом ночных товарняков,
надсадно извещающих «и-ду-у-у!».

И в этой непроглядной тишине
всё врозь у нас с тобою, вкривь и вкось...
Нелепей не бывает и смешней:
кричи да плачь — вспугнёшь дурных стрекоз,
взметнутся, солнце крыльями дробя.
В ответ из перелеска метроном —
ку-ку, ку-ку... Мне столько без тебя
не нужно, слышишь?!
...Тихо всё равно.

Одуванчик

По трещинам изношенных дорог
Проводит ветер пальцами слепца.
Там жёлтый новорожденный цветок
Пробился, как цыплёнок из яйца.

Чужак, пришелец, пасынок весны,
Над ним рассвет тревожен и багров.
Он – первенец и вестник тишины,
Живущей на развалинах миров.

Он видел вечность – пегую полынь,
Которая молилась пустырям,
И горечь дыма с хлопьями золы,
И сушу, уступившую морям.

Из трещины у города в груди
Он щурится блаженно и смешно.
Он завтра с ветром в небо улетит,
Он пух от пуха, прах от праха, но...

Ещё пылят и воют города,
Но строит плот безумный имярек,
И яблоням в заброшенных садах
Давно плевать, какой на свете век.

Траектория

У времени весёлое лицо.
Давай поговорим, в конце концов,
О том, что слишком зыбко, слишком нервно.
О странной траектории любви.
Ещё вчера касания твои
Мне тело выжигали изнутри
И боль была отчётлива, трёхмерна.
Потом сменили градус вечера.
Уже не так тепло светились окна,
И утром не румянился восток нам,
Бессонницу встречая на ура...
Из верхней точки только два пути:
Взлететь (а помнишь – мы с тобой летали,
Кружились по немыслимой спирали,
И руки не разнять, и не уйти) –
И падать вниз.

Падение, полёт...

Их различить под силу только птице.
А нам с тобой всё кажется и мнится,
Что мы летим. И осень настаёт.
Её порыв (и ветра тоже) чист –
Вина и мёда к зелени добавить.
Гляди в окно: вот этот жёлтый лист,
Которому так кстати позолота,
Как мы, пленён иллюзией полёта,
Но падает.

Возьми его на память...

Скрип

В конце июня сны уже не те.
В них крепнет горечь будущей потери.
Проснёшься утром в скомканной постели —
И слышишь скрип несмазанных петель.

А это просто ветер между туч
Нашёл и приоткрыл калитку в осень,
И каждый божий день в неё выносит
То листик, то цветок, то солнца луч.

И я спросонья, будто бы в бреду,
Лежу и повторяю: боже-боже,
А вдруг он и меня утащит тоже,
А я пути обратно не найду?!

Но ты меня обнимешь в полусне,
И эта глупость, это наважденье
Сменяется дремотной сладкой ленью...
Ну будет осень. Ну и шут бы с ней...

Испарина

...А по утрам она рассказывала сны
о тесных улочках, знакомых еле-еле,
о пыльных двориках, где мыкается сныть
и кукла спит на ржавой карусели;

о силуэте и бесформенном плаще,
щербатой лестнице, ведущей по спирали.
(Во сне бежать не получается вообще,
смешно... — а сердце будто оторвали.)

И хриплым шёпотом, сбиваясь и смеясь
над глупым страхом и отсутствием сюжета,
она плела свою бессмысленную вязь,
цепляя звук за краешки рассвета.

Она спешила всё ему пересказать.
Какая чушь, так никогда не будет с нами!..
А он жалел и целовал её в глаза,
И собирал испарину губами...

И были дни прозрачны и ясны.
А по утрам она рассказывала сны.

Городское летнее

Шестерёнкой скрипя, время сонно катилось к полудню.
Серый воздух дрожал возбуждённо, до звона в ушах.
Август жарил Москву – безотказную старую блудню,
И она, отдаваясь, мечтала: ещё хороша!

Раздражённо побрякивал цепью унылый троллейбус,
Обречённый прожить заземлённо, зато – не сгореть.
И была ему жизнь не разга... не загаданный ребус.
...Оставалась от лета какая-то жалкая треть.

И пока я в прохладе за стойкой знакомого бара
Принимала коньяк (мне казалась нескладною жизнь), –
Про запас набирая в тряпьё августовского жара,
В лопухах у забора блаженно дремали бомжи.

Лето не лето

Лето – не лето, а так, непонятно что.
Ишь, намечтала, глупая, по зиме-то...
Я традесканцией висну в своём кашпо
И выцветаю в жидкой тоске рассветов.

Встреча. Разлука. Дожди и горячий чай.
Вянут ромашки. Если спросить – соврут ли?..
Яблочный Спас, а потом уж – прости-прощай:
Тлеет сентябрь, ветра раздувают угли...

А я опять больна тобой

А я опять больна тобой до дрожи.
Горячий воздух рвётся лоскутом...

Не помню снов — они случатся позже,
Не знаю слов, они придут потом —
Родятся из мычащей немоты
Протяжным «да» — побуквенно, позвучно,
И павших звёзд бесстыжие хвосты
На небосклоне выгнутся тягуче,
На хриплом «ты» беспомощно истают...

Рассвет седую тьму погонит вон,
Сбивая тени в сумрачные стаи,
Роняя в сон...

Три ложки сахара. Лимон

...А ты уходишь снова («Дверь закрой!»).
Надолго ли? (А Бог уже смеётся.)
И я лечу себе на дно колодца,
сливаясь с этой чёрною дырой.
Хватаюсь за осклизлые бока
осенних дней, кружусь с листвою вместе,
мараю календарь — рисую крестик,
и он похож на хохот (буквой «ха»).

В окне берёза, ей под шестьдесят,
она шуршит о вечном по привычке.
А я ломаю каждый раз по спичке,
свечой встречая пасмурный закат.
Моя собака ждёт куда умней,
она не пьёт коньяк, не матерится —
да будь ты хоть в замшелой Чичен-Ице
среди бездомных траурных камней...

Но я тебя, озимый сладкий сон,
уже рашу под влажною подушкой,
и мятный чай в твоей огромной кружке
вкусней...

(Три ложки сахара. Лимон.)

Ты и я. Грани

Ну так что ж... Давай опять, как раньше,
Примем боль других координат.
Я прикинусь чайкой над Ла-Маншем,
Ты – холодным небом под и над.

Я – луны томительным овалом,
Ты – горячим золотом песка,
Я – выюном на тёплых серых скалах,
Ты – тропой, протоптанной в веках...

Всё впустую! В нашей ойкумене
Ты со мною всякою знаком.
Я тебя касаюсь быстрой тенью,
Светом или бледным лепестком.

Вырвусь хрипом, шёпотом останусь...
И печаль, как бабочка, легка
Там, на грани, где сентябрь и август –
Два цветка на тонких стебельках.

Альбатросы иных времён

Облака – это перья порванных ветром птиц –
Альбатросов другого мира, иных времён.
Перед ними когда-то падали горы ниц,
Океан затихал, бездвижен и раскалён.

Альбатросы касались крыльями дальних лун,
Рвали ночи, и тьма сползала за край миров.
Только старилось солнце, нянчили ветры мглу –
И не справились птицы с тёмной тоской ветров.

Зашипела, закатом в волны скользнув, жара,
И осыпались звёзды в темень пустых глазниц...
Вдруг тебе доведётся быть высоко в горах?
Принеси мне оттуда пёрышко древних птиц...

Рисунок на обоях

Болезнь – рисунок на обоях.
Овал лица нечётко, но кошмарен.
Я сплю и сны смотрю запоем.
В них толпы, сумрак, запах мыловарен.

А лиц не помню. Только пятна.
Ищи. Зови. Гадай по вялой тени...
Проснись – и хочется обратно:
Тот, на обоях, видимо, астеник,

Он смотрит тяжело и кривится,
И это отвратительнее бреда,
Где все бесшумны и безлицы,
А я опять не добежала, не до...

Болезнь – рисунок на обоях...

Вероятность метаморфозы

Однажды...
(Запомни: я буду уже не та.
Улыбки истают, браслеты бренчать замайются.
И новую осень я вряд ли прочту с листа –
раскрошатся листья в моих равнодушных пальцах.

Луна потеряет пикантность кусочка бри,
повиснет на чёрных озябших ветвях, сутулясь.
С приходом зимы я забуду и горлиц крик,
и сладкую дыню, и цвет алычи в июле.

Прищурясь на солнце, спокойно приму весну,
и, скучно губами колючей щеки касаясь,
я проходя фрезии в старую вазу ткну...)
...ты можешь уйти. Ну зачем я тебе такая?

Пока не вызрела трава

В основе всех дорог – желание уйти.
От недругов, а чаще – от друзей.
И вот уже звучит бунтующий мотив,
Раскручивая будней карусель:
Уйти! Пока тоска (мечта, обида, боль)
Набату полоумному сродни,
Пока ещё никто не дёрнулся: позволь!
Куда? Зачем? А ну охолони!..

Уйти, пока в лугах не вызрела трава.
Иначе (улыбайся, не скули)
Синицы, как всегда, вернутся зимовать
И канут в белом небе журавли.

В начале всех дорог во все концы земли –
Отчаянье в рассветной тишине.

Уйти – пока в тебя корнями не вросли
Фиалки на зашторенном окне...

Время, которое без тебя. Яблочный спас

Время, которое без тебя,
Гулкое, гулкое – от пустоты.
Стрелки бессонницу застолбят,
Август успеет устать, остыть
И не удержится на плаву
В омуте утренних холодов.
Флоксы осыплются на траву –
Бренные звёзды сырых садов.
Где наше лето? Бежать вдогон?
Господи боже, иже еси...
Гулкое, гулкое... Слышишь – звон?
Благовест... Яблоко надкуси.

Не падали звёзды

Напридумала, господи... Будто пройдут дожди,
Вышивая луга изумрудом да бирюзой,
И старуха луна молодую луну родит,
И растреплют ветра золотистые космы зорь.

Отцветёт зверобой, и на Спас подойдут меды.
Не останется в памяти боли да горьких вех.
Станет небо тяжёлым — поспеют его плоды.
И тогда загадаю тебя. Одного. Навек.

Намечтала-то, господи, вот бы кому сказать...
Проглядела в ту ночь да проплакала все глаза.

Но не падали звёзды, цеплялись за облака.
Я кричала: ну что же ты ждёшь, ну давай, лети!
Я поймаю тебя, буду нежно качать в руках.
Здесь светлей и теплей, чем на Млечном твоём Пути!..
Но не падали звёзды, цеплялись за облака...

Чёрный дым

Вот он итог — наотмашь да пятернёй.
Даром, что это всего лишь кленовый лист...
Осень пришла. Похоже, пришла за мной.
— Эй, — говорит, — на выход! Пошевелись!

Нищему что — пошёл себе и пошёл.
А у меня дневники в десяти томах.
А у меня фантазий текучий шёлк.
А у меня историй любовных тьма.

— Эй, — говорит, — а я разожгла огонь!
Вишь, занимается рыжим да красным лес.
Хочешь, подкинь своё барахло — ого! —
Пятки поджарим тем, кто ворчит с небес!

Ох, отожгли с язычницей хоть куда —
Как полыхали страницы, мосты, сады!..
Рыжая нечисть сгнула без следа,
А у меня — похмелье и чёрный дым.

Синдром

Что осень? Удивительный купаж
Надежды, веры, горечи, надлома.
Тоскую. Генетическая блажь.
Подобие стокгольмского синдрома.

Так больно: ничего не сохранить,
Не удержать ни в памяти, ни в пальцах —
Ни в речке отражённые огни,
Ни дикого цветка протуберанцы...

Так сладко: ничего-то не успеть,
Всё пустота... И время увлечённо
Пластает и раскраивает медь
Сентябрьского полуденного звона.

Просека

Над просекой туман. По глинозёму,
как пролежни, раскисли колеи.
Глухая тишь. Беспамятная кома.
Я на ходу впадаю в полудрёму.
Остановлюсь — вращу в покой земли
и пропаду до призрачной поры
паденья лун и буйства метеоров,
вдыхая приворотные пары
лесных полян, косматых и сырых,
сквозь жадно приоткрывшиеся поры...

Старуха

Глодает ветви, глотает полночный дождь,
 Вплетает в космы увядшие георгины...
 – Скажи, старуха, чего ты упрямо ждёшь?
 Какой гомункул родится из мокрой глины?

Взглянула косо. Похоже, безумна чуть.
 И странным смехом хрипато зашлась старуха:
 – Сама не знаешь? Ты будешь держать свечу!
 Сегодня я понесу от святого духа,

И, если не спутает вечность небесных рун,
 Я девочку-лето рожу через девять лун...

Лета

Истреплются парсеки,
 Прервётся Млечный Путь.
 Ни брода через реку.
 Но, может, как-нибудь...
 Не справится стремнина.
 Её утихнет гул
 Под тёмным балдахином
 На дальнем берегу.

Черна трава на кряже,
 Прохладна и нема.
 Никто тебе не скажет.
 Поймёшь сама. Сама.

Не значиться, не значить.
 Со всеми и ни с кем
 Крестом полупрозрачным
 Пластаться на песке.

Плести на ощупь мрежи¹,
 Закидывать на дно.
 Не жить и нежить нежить
 Теплом, пока оно...

¹ Мрежи – рыболовные сети.

Материк

Отшельником, забывшим про людей,
Замшелым дикарём живёт старик.
На глобусе не значится нигде
Его давно закрытый материк.

Портки на нём, с ширинкой нараспах,
Заштопаны нелепо, да навек.
Зима-старуха, так её растак,
Свила гнездо на буйной голове.

Поёт, гудит огонь в печной трубе.
Избушка только-только на двоих.
— Ну что, отец... — Ему нальёшь, себе. —
Рассказывай, как яблони твои.

Бубнит, бубнит... Про дождь, про урожай.
Смотрю в окно. В окне чернеет лес.
А вот бы никуда не уезжать,
Сойти с ума в ловушке этих мест,

Где даже в увядающем саду
От снов и одиночества хмельно,
Луна из лужи смотрит в высоту,
А мудрость и безумие — одно...

Я чувствую

В тот миг, когда осенняя трава
меня хватает за ноги отчаянно
(спаси, спаси, возьми меня в тепло!),
я чувствую нелепую вину.
Тебе не доводилось горевать
по поводу такому же случайному?
Прислушайся, как мается весло
в заржавленной уключине... Да ну,
неужто, глядя в гаснущий костёр,
ты тут же записал его в покойники
и, разуму и смыслу вопреки,
ни ветки этим углям не скормил?..
А я, ты знаешь, помню до сих пор
засохшую герань на подоконнике
в пустующем домишке у реки.
И брошенные гнёзда у стропил...

Не зови непогоду

Никогда не зови непогоду в свои края,
Пусть она обретается в тучах до снежных дней.
Пусть белеют ромашки и маки в лугах кровят.
Лишь бы солнце, а если жара, то и чёрт бы с ней.

Ты же знаешь, что лето сегодня капризный гость
И спугнуть эту цацу под силу тревожным снам.
А из небыли нашей всё только на треть сбылось.
Вот бы тёплое море и сонные горы нам!

Пусть для нас приготовят большую постель, да так,
Чтобы вдоль, поперёк или даже наискосок,
Чтобы дверь на замке и ни друг не вошёл, ни враг,
Чтобы время на пляжи рассыпало свой песок.

Чтобы утром из окон — громады былых времён,
Мегалиты, брусчатка и прочая дребедень,
Горделивыми сколами верных своих колонн
Редкозубая вечность вгрызается в божий день.

И у древних руин я, смеясь, поклянусь тебе,
Что и в горе, и в радости, присно, вовек, аминь.
Удивлённые лодки забудут в порту скрипеть,
Да на серой скале тихий ветер качнёт полынь...

Поехали куда-нибудь на поезде?

Поехали куда-нибудь на поезде?
Туда, где тихо-тихо. И тепло.
Где время не течёт — и не текло
И где колодцы всё ещё колодези.

Поедем ночью — чтоб вокруг огни.
Ты за руку со мною, полусонною,
Пойдёшь пустыми длинными перронами,
И мы в купе окажемся одни.

Лежат дороги в памяти закладками...
Дробится пульс — татам-татам-тата.
Мелькает фонарями темнота,
И сны такие... вязкие и сладкие.

Провалишься... Ни скуки, ни тоски.
Не помнишь ни имён, ни рода-племени.
То отсветы, то отзвуки... Межвременье,
Покой и паровозные гудки.

Под гулкий стук полуночных обходчиков,
Сующих под вагоны фонари,
Успеешь на подножке покурить,
И будет тлеть оранжевая точка.

Проснёмся утром, выйдем на авось —
Там лес заштопан солнечными пятнами,
И на луга, одышливые, мятные,
Раздутым брюхом небо улеглось.

Поехали куда-нибудь на поезде?..

Белая сова

Сладко спит на Меганоме¹ горькая трава.
Ветры зимние о кладах тайное поют.
Охраняет эти клады скифская вдова.
В растревоженном кургане был её приют.

Кони прядают ушами, всхрапывают зло.
Оступившись на подъёме, пятятся назад.
Оплетает ужас древний гибкою лозой...
Уходи, пока закатом камни не кровят.

Только сумрак оседлает полусонный криж,
Из тумана белой тенью вскинется сова,
И за жизнь твою копейки с той поры не дашь —
Это вестник скорой смерти, скифская вдова.

Крикнешь — эхом возвратится чей-то долгий стон...
Жмётся конь, скользят копыта. Что ж ты, волчья сыть!
Тени длинными когтями вспарывают склон.
Солнце тлеет сердоликом.
Поздно уходить...

Последний день

Над крышей исчезающий дымок.
Ну вот и всё. Последний летний день.
Когда стерня уже не колет ног,
Попробуй прогуляться по воде.

А так — гадай, откуда горечь снов
И поздних ягод, найденных в саду,
И отчего мерещится давно,
Что ты сама с собою не в ладу.

Задёрнешь окна. Что ж, пора идти.
Тому, кто остаётся, тяжелей, —
И дом вздохнул и преданно затих.
Холодный воздух тянется с полей.

Смотреть назад не стоит, уходя...
Оглянешься (да что, в конце концов!) —
Увидишь астры в бусинах дождя
И вдруг осиротевшее крыльцо.

Осенний лист на этот аналой
Уронит помутневшая заря...
Я ухожу из августа долой
Сквозь тлеющие угли сентября.

¹ Мыс Меганом, Крым.

Когда отболит во мне

Когда отболит во мне всё, что было не сказано,
И время очнётся, с похмелья едва дыша,
Начну, помолясь, снова складывать жизнь, как фразы,
Словно я insultник, которому дали шанс.

На ощупь по осени в сторону белой немочи
(Там от холода руки болели — была жива...)
От тебя, от себя бреду, как в бреду, по стеночке,
И хватает, держит меня одолень-травя.

Да бессильна уже — только бестолку в срок не скошена:
Что мне радость да свет — у боли сильней заговор.
Но однажды, когда я смогу оглянуться в прошлое,
Я скажу по секрету тебе, что память — вор.

Ничего не осталось. Шаром покати. Как выжжено.
Вроде промельк?.. Да просто тревожный осенний блик, —
Это солнце лакает из лужи, собака рыжая.
Как её неудачно сегодня октябрь постриг...

Круг

Недодуманы мысли, пылятся себе, недотроги.
Всё дела да проблемы, бледнеют и гаснут мечты...
Оказаться бы там, где с Потопа не топчут дороги
И никто не узнает моей широты-долготы.

Далеко за кордоном судьбой отведённого круга,
Там, где горные реки гортанные песни поют,
Время бросит поводья, ослабит тугую подпругу
И отпустит коня вороного в цветочный уют.

Я пойду на призывные всплески закатного неба,
Распластавшего крылья над спинами дымчатых гор,
И у тёмных ночей попрошу непроглядного крепа —
Занавешу зеркальную гладь молчаливых озёр.

На алтарные камни никем не достроенных храмов
Хлебных крошек насыплю в помин позабытых богов,
Что застыли навек и лежат, не имущие сраму,
Опоясав своими хребтами просторы лугов.

Я уйду далеко, где от прежнего мира — ни звука,
Где откроется прошлое в шорохе ветра и снах...

...Но бегут поезда, рассыпая горох перестука,
И осенние будни хлебают дожди допьяна...

Твой доктор болен

Твой доктор болен, родная, твой доктор болен.
Ты что, не знаешь? Диагноз его печален.
Жизнь любит шоу, родная, тасует роли.
Я тоже рыжей девчонкой была вначале.

Надежда – глупость, родная, приют безумцев.
Ты видишь – солнце, сверкая, рождает тени?
Ты станешь тенью, не сможешь ко мне вернуться,
Истаешь в мареве сонных своих видений.

Твой доктор болен, родная, не жди напрасно:
Любовь не вечна, а мне до века считать утраты.
Печаль чудесна, родная, печаль прекрасна.
А тоже рыжей девчонкой была когда-то...

Птица

Ещё недавно – кажется, вчера –
свила во мне гнездо большая птица.
Большие крылья хлопали с утра,
а я вздыхала: что тебе не спится?
...А осенью, в один из хмурых дней,
она взвилась, печальнее заката...
И я нелепо вслед махала ей:
куда? зачем? вернётся ли? а я-то?

И в это опустевшее гнездо
вселяются (надолго ли, навечно?)
юродивая преданность крестов,
столпившихся на кладбище у речки,
сиротство облетевшего леска,
шумевшего недавно по-хозяйски,
и стылая упрямая тоска
картофельного поля под Можайском...

Реликтовая память

Осенний свет тревожен и пуглив.
Его скребёт, дрожа, сырая хвоя.
И прошлое (далёкое, глухое,
которое уже не сберегли, —
не пыль дорог, не тайна древних троп,
но бледное подобие пунктира)
вплетает в мой венок и розу мира,
и розы остывающих ветров...

Но я уже не слышу этот зов.
Сквозняк, играя с памятью моей,
выветривает сонные менгиры —
разбросанные камни прошлых дней:
уже не вспомню, если кто-то спросит,
где правда, где — бессовестный обман.
Я принимаю пасмурную осень
и, в забытьё вplyвая, словно в сети,
вдыхаю с благодарностью туман,
как анальгетик...

Звёзды ближние и дальние

Остатки уходящего тепла
ещё гнездятся в лампочке подъездной —
циклоп приветлив, но подслеповат,
и я иду на эти сорок ватт.
Густая ночь по жилам потекла,
ощерилась, раззявилась, как бездна,
тревожа зыбким контуром Плеяд.

Но что мне бледный свет далёких солнц,
призыв звезды, полярной до озноба,
тоска, что из Ковша не испита,
и вести из созвездия Кита?
Что выжженной Венеры вечный сон,
и чёрных дыр всеядная утроба,
и Персеид пустая суета?..

Тускнеет в небе древний Орион.
В подъезде лампа тлеет, как лучина,
и скоро догорит наверняка —
погаснет и обманет мотылька...
А дома ждут яичница, бекон,
горячий душ, единственный мужчина
и три звезды в созвездье коньяка.

Осеннее. Россыпи

О чём жалеть, кого ругать и клясть?
Всё есть — и солнца свет, и тёплый угол,
И снов моих оранжевая сладость,
И пьяный ветер над цветущим лугом.

А если чую в сердце пустоту,
Тоску и боль — хоть волком вой, да чтоб их! —
На бедность мне, на горе-нищету
Оставит осень яблоки в саду
И эту россыпь золота на тропах.

Занавески

Это осенью было не помню какого года...
Никуда в эту пору лучше не возвращаться.
Это время для разных событий иного рода,
Если ты лет на тридцать старше, чем был в семнадцать.

Это время горячего чая и Нино Роты,
Время тёплой пижамы, скверных причуд артроза,
Толстых книг с казеиновым запахом переплёта,
Полусонного секса в самых ленивых позах.

А туда, где забор кое-как и худая крыша,
Где на пнях размывает дождь годовые кольца,
Ты не суйся по осени, прошлое — третий лишний,
Прокажённо трезвонит прошлое колокольцем.

Занавески всё те же, с цветастой каймой по краю.
Закричать бы — и, может, станет намного проще.
...И взвилось вороньё, закружилось с тревожным граем,
Будто чёрные листья ветер поднял над рощей...

Дуга¹

Дай же мне воды воды
 Плесни в ладони
 В трещины кожи
 Видишь от пыли ветра седы
 Скрипит на зубах
 Песок
 Похоже
 Сыплется время
 Труха и тлен
 Протянешь руку
 Туман нащупай
 Синее небо синих вен
 Плеснёт в пространство
 Раскроет купол
 Иных столетий
 И зов и стон
 Сигнальные стрелы
 Покой царапают
 Синяя хвоя высоких крон
 Небо скоблит
 Жадными лапами
 В древние стены
 Врасти плющом
 Ногти срывая
 Вцепившись
 Плохо ли
 Разряд
 Мало
 Разряд

Ещё
 Искрит дуга
 Между эпохами
 Таёт
 Таёт
 В тумане сад
 Уютно было в той оболочке
 Страшно
 Поздно
 Время назад
 Зелёные листья
 Врастают
 В почки

¹ Публикуется с сохранением авторской пунктуации. — *Примеч. ред.*

Стебли травы

В жемчужном небе бледен солнца круг.
Осенний день безвременьем стреножен.
Трава покорно пляшет на ветру,
Шуршит и шепчет сонно и тревожно.

Но видишь: каждый стебель жёлт и сух —
Траве уже дарована нирвана...
А вдруг и я давно бесплотный дух,
Над заводью речной клочок тумана?..

Дышать до хрипоты

Река болеет льдом. Остывший мрак
изрезан острой кромкой по живому,
и корпия берёзовой листвы
беспомощно желтеет на воде.

И сны темны, ползёт холодный страх,
вскипает пузырями в гулкой коме
и жмётся к тонким венам-стебелькам
в придонной полупризрачной слюде.

Течение вплетается в канву
уснувших трав, гудит высоковольтно,
и бледный свет, сочащийся извне,
манит наверх — дышать до хрипоты.

Но явь уже не держит на плаву.
Усни. Проснись... Мерещится — и только —
тепло песка на жёлтом берегу,
где, может быть, песчинкой станешь ты...

Сосняки

На дальнем берегу моей реки
рыжеют на закате сосняки.
А ясным днём, безветренным, тугим,
в котором каждый шорох различим,
я слышу рынду: медным языком
она болтает с медным сосняком.

Пока храпит у пристани баржа,
пока стрекозы в заводи жужжат,
она гудит про то, что корабли
без сосен раньше вовсе не могли.
Мол, вы сейчас, как глупый василёк,
смешите даже муху в солнцепёк.
А прежде – да-а... да-да-а-а...

Гудит вода.
А я брожу по отмели одна
и слышу, как вздыхают сосняки
на дальнем берегу моей реки...

Прощание

Вот и всё... Предзакатными красками город расцветен.
Говорят, будто плачут от горя даже иконы.
Вот и ей бы заплакать. И станет, наверное, легче...
Отвороты солдатской шинели пахнут казённо.

По виску тонким пальцем:
– Ты стриженный очень красивый...
И целует его бестолково в горькие губы.
(Я ещё никогда ничего у тебя не просила.
Но сейчас обещай: ты живым вернёшься оттуда.)

А душа выцветает и рвётся изношенным ситцем.
– Я не плачу, ты что, просто... очень яркое солнце.
(Ты вернёшься обратно, когда возвращаются птицы.
Ты вернёшься, вернёшься...)

Господи, пусть он вернётся.

Воленбат

Корпела ночь над вышивкой созвездий,
Когда в Гурлей вошёл его фрегат.
Пожрали черви пики, бубны, крести.
В свою судьбу не верил Воленбат.

Плескал вино гурлейский виночерпий:
— Андорны, пей гурлейское вино!
Его секрет в корнях турильских серпий.
Сервин напиток выплеснул в окно.

Шпион и побратим анагурея,
Он Воленбату должен был по гроб.
Три ночи до Турильи. И, зверея,
Сервин пустил кретоника в галоп.

Подъёмный мост опущен у Турильи.
Сидоны — шваль, не воины. И вот
Летит кретоник прочь, пиная мили,
Туда, где еле теплится восход.

Придёт заря в автонии Гурлея.
Протри глаза, заспавшийся Севой!
Ни платины, ни мраморов шалфейных,
Ни славы, ни бессмертья — ничего.

...Проворные, как лостонские нерпы,
Андорны поднимали якоря.
А Воленбат, сжирая корни серпий,
Считал казну гурлейского царя.

Я не сержусь

Я не сержусь, что я простая блажь,
Одна из тех, кто был с тобою рядом,
Что за меня ты жизни не отдашь
(Избави бог, такого и не надо)...

Во мне всегда, да так, что воздух туг
И будто места в лёгких не осталось,
Из раза в раз, вчера, сегодня, вдруг
Болит твоя приветливая жалость.

Я жду¹

Я жду, ты слышишь?
Жду за часом час.
Томятся сны, манят потусторонне.
Смущая тени, мечется свеча,
Гадая мне по линиям ладони.

Так было (я же помню этот сад –
Чернели, день высасывая, лужи)
Два ноября, две вечности назад –
Дожди, дожди... постыло, равнодушно...

Им дела нет до гаснущей свечи,
До чёрных птиц, что вижу в полусне я.
Ты не придёшь по тысяче причин...
Я жду.
Я по-другому не умею.

Серые нитки

Небо – как шапка, которая велика:
Лезет на лоб с облезлых своих вершин.
Серыми нитками серые облака
Дождь приметал к изнанке моей души.

Трещины-ветки на влажной извёстке дня –
Будто зашла в давно одичавший храм...
Господи боже, спаси от зимы меня,
Жёлтым листом запри меж оконных рам...

¹ Вольный перевод стихотворения Еленки «Чекаю».

Бусина

Зародившись под утро от выкрика птицы дурной,
в белый день соскользну, словно бусина
с лопнувшей низки.

Непокой. Белокрылое солнце летит надо мной,
между клочьями неба рассыпав белёсые брызги.

Нервы слишком внатяг. Нарастая, вибрирует звон.
На вершине тоски пляшут искры блаженного Эльма.
Первый шаг очень долог. Секунды чернее ворон
разлетаются прочь. Время пялит холодные бельма.

Жилы крутит в узлы. Привязался визгливый мотив.
Стрелки тычутся слепо и панику вводят подкожно.
Привыкаю неслышно кричать. Начинаю идти,
в белый свет, как в копеечку, выдохнув «господибоже»...

Не любить бы тебя — и ладно¹

Не любить бы тебя — и ладно,
Не болеть никогда тобой...
Из ладоней твоих прохладных
Пью хмельную тоску да боль.
В поцелуе твоём не выжить,
Перепутать сердца и сны...
Но чем берег блаженный ближе,
Тем погибельней плеск волны.
Проклинаю твои желанья.
Так грешна и покорна так...
И смыкает крыла над нами
Этот морок — вечерний мрак.
Я любил... Но любовь бесследно
Растворяет себя в ночах.
И цветок вырастает бледный,
И названье ему — печаль.
Затиhaешь в немом укорее...
Помоги же ты мне забыть
Плен чудовищных трансмагорий,
Раскачай берега судьбы!
Отыщи на границе чувства,
Где желанья всего темней,
Тихий угол без горькой грусти
И тоски уходящих дней,
Где не будет такого ада,
Не истреплется пульса нить...
Не любить бы тебя — и ладно.
Как же больно тебя любить...

¹ Вольный перевод стихотворения Василия Стуса «Не люби тебе — не можна...»

Туман

Ты куришь и куришь. Невесело как-то... А зря.
 Все правды и смыслы, рождённые осенью, хлипки.
 Оставь эту скуку унылым дождям ноября,
 Мотающим нервы, как будто обычные нитки.

Давай поживём, не тоскуя по солнечным дням.
 Есть некая тайна в нечёткости контурных линий.
 Тяжёлое небо, сползая по чёрным ветвям,
 Лежит неопрятным туманом в просёлочной глине.

Заходишь во мглу — и выходишь из мира живых.
 Кричишь, а туман отнимает безумие гласных —
 И звуки теряются в стеблях засохшей травы,
 Дрожат в паутинах, срываются, падают, гаснут.

Вернёшься на ощупь, сидишь в деревенском тепле
 И слушаешь древние песни внутри дымохода...
 Умеешь гадать по дождю на оконном стекле?
 Смотри — скоро лето, осталось всего-то полгода...

Я потерялась в ноябре¹

Я потерялась в ноябре, я заплутала.
 А было надобно от осени так мало:
 Чуть-чуть тепла моей душе — бессильной птице...
 Теперь из плена холодов не возвратиться.

Сочится свет — постылый, зябкий, белый-белый.
 Листком пожухлым я в судьбу твою влетела.
 Тебе не стала ни наградой, ни спасеньем...
 Чего искала я в безвременье осеннем?

Я потерялась в ноябре, в седом тумане.
 Ты не оставил мне ни солнца, ни дыханья.
 В твоё окно дождём стучала дни и ночи,
 Но ты и слышать обо мне уже не хочешь.

Считала дни, да, видно, сбилась я со счёта.
 Твоя любовь метнулась птицей перелётной,
 Моя листвою облетела горько-алой.
 Я заблудилась в ноябре, я заплутала...

¹ Вольный перевод стихотворения Еленки «Я загубилась в цьому листопаді».

Круговорот

Кого вселить в своё безвременье,
чтоб поделить напополам
счета намокшие осенние
за смех и прочий летний хлам?..

Мольбою тащишь солнце на небо:
давай, желтее, чем лимон,
сочись по стенам!.. Но куда ему,
оно похоже на бельмо.

Листаешь дни, то рвёшь, то комкаешь,
под вечер — уф! — нажмёшь на off...
Весну торопишь — стебли тонкие
вплести в ловушку вещей снов.

Глядишь на небо между сосен и,
кружась, идёшь себе ко дну.
Круговорот ржавеет с осени:
рассвет завис — ни тпру, ни ну...

Но век не долог и не короток.
Истерлись мётлы, вжик да вжик,
и сыпет соль на раны города
от снега выцветший таджик...

Реальность мира

Реальность мира сомнительна не только спросонья.
Дело в снежной завесе... Падает снег.
Он влетает в окно, ложится на подоконник,
Порхает по комнате... Думаю: это во сне.

Сажусь на постели. Слышу холодные тени,
Вижу запах мороза (такой пузатый снегирь).
Память шершавыми нитками ощущений
Латает зрочки заманчивых чёрных дыр.

Пытаюсь нашарить предметы, попасть в зарисовку.
Но красок нет, я звук — удивлённый ноль.
Протяжным «о» взлетаю криво, неловко.

...Зато я могу потрогать свою головную боль.

Лес. Оттепель

Всё в жизни вроде и не в первый раз,
но вот вдыхаю талый запах леса,
стою, сосновым маковкам молясь;
ветрам-повесам
скормлю с ладоней бледное тепло —
пускай несут остывшему закату.

Мне хочется, чтоб время утекло,
оставив нам пустые циферблаты
и россыпь выцветающих минут —
на память в старой банке от печенья...
Но все часы куда-нибудь идут.
Ничем я
остановить безумцев не могу.

Лишь запахи — хмельной набухшей почвы
и ржавой хвои в тающем снегу,
сырой коры, тугих лиловых почек,
седой травы, волнующей пустырь,
дождя, на ветки ссыпанного мелко... —

лишь запахи дремотны и густы,
в них вязнут стрелки...

Вьюн

...А там, внутри, где выгоревший смех
присох коростой к бледному живому,
скребётся серой бабочкой в стекло
дыхание, дыхание, ды... ха!

Ты думаешь, что мир один на всех,
впадаешь в этот мир, как будто в кому.
А я в ладонях комкаю тепло.
Один на всех... какая чепуха.

Он только мой. С изгибами ветвей,
пускающих побегу мне под кожу.
Их чёрная артритная тоска
пульсирует, вращая в миокард.

Горячий шум намешанных кровей
предаст тебя, медлительный прохожий.
Здесь места нет блаженным чужакам,
червовым королям с краплёных карт.

Опомнится засохшая трава,
а ветер, этим шорохом разбужен,
на тень твою нашепчет... И вода
свинцовой рябью дёрнется у ног.

Сотрут закат ночные жернова,
и ты ко мне... ко мне... скорее, ну же...
потянешься, вращая навсегда
в предсердие податливым вьюном...

Оранжево

Когда с усталых глаз, как паутину,
сотрёшь седой полёт осенних стай,
подпустишь сны, обманчиво застынув,
так близко, что за крылышки хватай;

услышишь снег, скребущийся в окно,
сточивший лунный шар наполовину,
а вспомнишь солнца рыжее пятно
на стеблях выгорающих люпинов, —

найди меня. Свернувшись эмбрионом,
да так, что кожа кажется мала,
я выстыла от жалобы до звона,
я жду тепла.

И прошлого пролившаяся ртуть
дробится, прирастая пустотою.
Ты обними. Мне хочется уснуть,
как полдень засыпает в зверобое, —

оранжево...

Алтари

Жизнь остаётся записью в дневнике —
Если ты вёл дневник, разгильдяй и лодырь.
Жизнь остаётся оттиском на песке.
Лижут песок, на берег вползая, годы
И намывают — только бери, бери! —
Осени ранней тёплые янтари.

Глянешь сквозь них на солнышко, а потом
Слушай кукушку: дурочка врёт неплохо...
Жизнь остаётся между страниц листом —
Красным кленовым или дубовым (охра).
Сами страницы, господи, посмотри —
Чёрные ветки, белые январь.

Что же, ещё поживём, и не год, тьфу-тьфу, —
Ныне и присно и (не вопрос) вовеки...
Жизнь остаётся курткой в твоём шкафу.
Пара монет в карманах, билеты, чеки.
Чушь, понимаю. Глупость? — не говори.
Мелочи... Мелочи? — Боже мой, алтари...

Серёжка

Серёжке пять лет.
 – Куда ты глядишь, Серёжка?
 – Смотри, – говорит, – по небу бегут облака.
 Наверно, у них есть в небе такая дорожка...
 – Нет, – говорю. – Небо – это река.
 Ночью в ней ловит рыбу не дядя Ваня,
 а неизвестные дядьки с других планет.
 Клюнет у дядьки – и вот он пыхтит и тянет
 толстую рыбу жене своей на обед.
 Небо – река. Лишь раз по тропинке лунной
 в небо войдёшь. Не звёзды там – поплавки...

 Глупый Серёжка смеётся над тёткой глупой.
 Смех переливчат, и трели его легки.

Не люби

Не люби ты меня, ей-богу.
 Что ты выдумал ерунду?
 Ты люби тишину, дорогу,
 По которой к тебе иду;

 Пыльной зелени запах пряный,
 Болтовню (я скучала, что ж,
 Я ж тебя, как небесной манны,
 Дожидалась. И вот – идёшь)...

 Иван-чая пожар малинов.
 На пруду не клюёт весь день.
 Порыжел и раскис суглинок
 От заливших июнь дождей.

 Влажный вечер. Ты куришь, куришь.
 А я мимо смотрю, горда,
 Чтоб не понял: а мне-то, дуре,
 Без тебя ну совсем беда...

 Мятный чай из огромных кружек
 (– Хватит сахара?
 – В самый раз)...
 Ты меня не люби, не нужно.
 Слишком суетно.
 Не для нас.

Кресты

Ишь понатыкано чёрных крестов в земле...
 Думаешь, Боже, твой крест тяжелее был?
 Вот как остались бабы одни в селе,
 так и взвалили небушко на горбы.

Вывернет лемехом землю — бросай зерно.
 Хлеб наш насущный, Господи, даждь нам днесь...
 А принесли похоронку на днях одной —
 ей помереть бы, не хочет ни пить, ни есть.

Счёт не на дни, а на палочки-трудодни.
 От дифтерита дети, как мухи, мрут.
 Господи святой, мы все у тебя одни.
 Благословишь ли, Боже, на адский труд?..

Всех посчитала осень своих цыплят.
 Заступом в землю, а там не земля — базальт.
 Ношу — по силам каждому, говорят.
 А разогнёшься сдуру-то и глаза

к небу подынешь, а там купола пусты.
 Все на погосте, Боже, твои кресты...

Чистый лист

...Осталась только злая чернота.
 Она зимой практически всеядна.
 И я ползу по памяти обратно
 На белый отсвет чистого листа.

Расчерчен он под прописи в косую
 Грибным дождём и травами в лугах,
 Обрывами на дальних берегах
 И ветками, оборванными всеу.

Там всё бело — и майские сады,
 И дюны в продуваемой Паланге,
 И солнце, утопившееся в Ганге,
 И рыбий глаз неведомой беды.

Тянусь, но пеплом лёгкие забиты,
 И при рожденье умерли слова,
 И крика обесмысленный овал
 Неровным «о» катается по плитам...

Лоботомия

Зимою я ложусь в свою постель,
как на холодный стол нейрохирурга.
Луна остыла, звёздные окурки
добила налетевшая метель.

Сейчас начнётся рыжий балаган —
ночник плодит бесформенные тени
предвиденья и прочих привидений...
Ты видишь сны? Ага. Ага-ага...

Осыплешься, как хвоя, пух и прах,
в дремотный чад, закружишься да сгинешь.
На самом дне звонит твой личный Китеж,
играя солнцем в тёплых куполах...

...И выдернет, и вырвет, как сорняк,
швырнёт с размаху в утреннее млеко,
заглянет в глаз, потом отпустит веко
лоботомия будущего дня...

Утаи от меня нелюбовь

Утаи от меня нелюбовь —
тёмно-красный настой с горечью девясила.
На Купалу рвала зверобой
да вербену. Просила:
дай мне льдистого смеха —
звонкого, чтобы всплесками...
На большой луне за далёкими перелесками
пляшут бабы, топчут неистово,
в небо тыкают вилами —
гонят скверну к небесной пристани.
И меня серебром опоили бы —
звёздной брагой бы,
лунной пагубой...
Да рвала на Купалу мяту,
просила, как плакала:
забери пустоту без возврата!
Пламень маковый
выгорал, догорал на рассвете —
стали росы кровавыми.
Зашептал заповедное ветер
да понёс между сонными травами.
Так и слушать тот шёпот от века до века бы...
А дождусь ли ответа? Спросить мне об этом некого.

Няне

Моей няне Прасковье Тимофеевне Жирновой

Передник в мелких горохах,
прохлада мягких дряблых рук...
Ты знаешь, няня, в мире плохо.
А как у вас?..

Бывает вдруг
приснишься мне. Седая, с гребнем,
почти прозрачные глаза.
Тепло. Чуть-чуть – и вечер медный
начнёт на окна наползать.
Притащит крики ребятишек
и сладкий чад сомлевших трав...

...А за окном всё те же крыши.
Метель под вечер и с утра...
И я, скользя по сонной грани,
касаясь тающих теней,
ищу, ищу истолкованье
в сюжетах выбеленных дней,
в обрывках фраз, плохой погоде...
Да бог с ней, с этой суетой, –
не нахожу.

А ты всё ходишь
ко мне – не маленькой, не той...

В такие ночи снятся поезда

Мой мир покрылся инеем и тьмой,
в нём стало пусто, холодно и тихо.
И зябнет пустоглазая луниха,
беременная будущей луной.

И всё, что было, кажется пустышкой,
дорогой ниоткуда в никуда.
В такие ночи снятся поезда,
вокзалы в двухэтажных городишках,

где намертво застряло века три,
черны старухи и темны иконы,
синеют на верёвках панталоны...
И сон, и тлен, куда ни посмотри.

Протяжно, по-сиротски тянет клирос
в соборе на извилистой реке...
Но в этом пообтрёпанном лубке
тепло из окон не дают навынос.

Его хранят, сплетясь в паучью сеть,
и трещины на старой штукатурке,
и улочки-проулки-переулки,
откуда мне на поезд не успеть...

Стол да крест

Где дорога знакома парочке «жигулей»,
Где по ступицу рыжий снег и по гроб тоска,
На обочине столик и крест — наливай да пей
И занюхивай синим цветком от щедрот венка.

Жизнь такая нить — нанизал на неё, что смог,
Задышаться начал — рванул да пошёл вразнос,
Закатился бусиной в сырость лесных дорог.
Стол да крест — вот такой персональный тебе погост...

Ты уже причастился вечных миров, а я?
Где я буду, когда над тобой расцветёт репей?
Говорят, многочудно в блаженных твоих краях.
Если там наливают — за нас поднимай и пей.

Лимонницы

Так, наверное, семеро ангелов в трубы трубят —
Ветер воет, целуя полночь под веткой омелы.
Затянулась зима и меня затянула в себя.
Миллионы галактик на землю осыпались белым.

Полусон бесконечный... Хоть пруд, понимаешь, пруди
Из сомнений и страхов, ползущих по мне варикозно.
Очень хочется крикнуть, чтоб выпустить птиц из груди —
Чёрных галок, забывших свои календарные гнёзда.

Ты приходишь, спасая меня от белёсой зари,
Вещих снов, рефлексии и прочих сезонных истерик.
Превращаются чёрные птицы, срываясь на крик,
В желтокрылых лимонниц и синих стрекоз-калоптерикс...

Любить этот город

Любить этот город — насмешка над словом «любовь».
Ползут эскалаторы, стоптаны тонны гранита.
Я вижу в витринах себя и любуюсь собой:
неясная тень — ни поймать, ни запомнить... размыта.

Когда я отсюда решусь наконец-то удрать,
никто не заметит потери в таком Вавилоне.
Здесь столько за день говорят «до свиданья» и «драть»...
Чуть больше, чуть меньше... А город всё тонет и тонет.

И я бы, наверно, его попыталась спасти:
в пробоину задницу, точки-тире по эфиру,
врагу не сдаётся наш гордый... Пойми и прости:
пробоины эти — обычные чёрные дыры.

Он только зимой замерзает, как шхуна во льдах.
Завалится на бок и пялится в лунное око.
Ты веришь, что небо совсем никакой не квадрат?
И птицы не верят. Летят по периметру боком.

Я слепну от сумерек, слепну от рыжих огней.
Я видела сны, но не снится уже ни черта мне.
Давай-ка сегодня пойдём по другой стороне.
Я знаю: витрины воруют мои очертанья...

Чёрный стебель

Реальность возвращается во сне.
Она вьюном на долгом чёрном стебле
плетёт узор...

Скрипит протяжно пол
(на выдохе, с тоской: «Не дай уйти-и-и...»)
Веду рукой по каменной стене.
Сырой сквозняк наскაკивает, треплет
и волосы, и выцветший подол,
и пыльные лоскутья паутин.

Тускнеет цвет — от медных сентябрей
до ржавчины невыпитого чая,
уставшего под утро ночника
и сепии засушенных цветов.
Который век сегодня на дворе?
Календари до срока истончали,
и даты на оторванных листках
почти знакомы. Может быть?.. Не то...

Но утро опечатает архив —
метнутся новорожденные тени,
сургуч слегка оплавится с краёв,
желтком на город вытечет рассвет...

А кроме снов ну разве что стихи —
такое же нелепое плетенье
и пёстрое блажное забытьё,
и суть, и бред...

Шорох зимы

Чёрное. Белое. Лес и поля.
Чёрное кажется. Белое снится.
Мёртвые травы фантомно болят.
Стебель дрожит, как перо самописца.

Это кривая бессолнечных дней,
Ветра февральского пропись больная.
Шорох зимы поселился во мне,
С кардиограммой моей совпадая.

Ах, извините, мы снова на «вы».
Мне не запомнить ни звуки, ни лица.
Всё только сон прошлогодней травы.
Чёрное кажется, белое мнится...

Махаон

Здесь до тебя миллионы парсеков тьмы.
На перекрёстке сотни чужих следов.
Дождь ухитрился память мою размыть.
После не помню, только немножко до.

Контурсы счастья – глупость, кому сказать:
прямоугольник кухни, квадрат тахты.
Вечно под окнами птичий базар-вокзал.
Я лежебока, завтрак готовишь ты.

Имя твоё махаоном слетало с губ,
бархатной бабочкой, вечно живым цветком...
Если однажды вспомнить его смогу –
вырвется криком (боже, зачем? по ком?)

и превратится в белый холодный пар,
призрак печальный в свете случайных фар...

Пять хрущёвских этажей

Улетают поезда —
Штрихпунктиры окон рыжих.
Я живу с тобой бесстыже,
Ты женат, моя беда.

У платформы старый дом,
Карусели и качели.
Я красотка Боттичелли,
Ты почти что Аполлон.

Кухня два на полтора
И санузел совмещённый.
Ну какие же тут жёны —
Настоящая дыра.

А любовь — такая блажь:
Ей шалаш — она и рада.
И кровать побольше надо,
Чтоб раскачивать шалаш.

Вот уснёшь спокойным сном
После охов-ахов-стонов,
К распоследнему вагону
Прицеплю я старый дом.

Замелькают города
Штрихпунктиром окон рыжих,
Паровоз потащит, пыжась,
Нас неведомо куда.

...Год прошёл. И два уже.
Солнце светит, даль прелестна,
И качаются на рельсах
Пять хрущёвских этажей.

Рунопись

Я слышу шорох песка далеко в пустыне.
Ночь отчего-то слишком тиха для города.
Мне больно. Я чувствую: солнце кипит и стынет,
флаги протуберанцев вздымая гордо.

Это усталость. Она оседает накипью,
облачной пеной на чёрных губах беззвучия.
Я принимаю на веру любые знаки и
чую на коже пальцы слепого случая.

Он щупает скулы, пытается сделать слепок,
лопочет странно, читает меня по Брайлю.
Я слышу, как, отрываясь от чёрных веток,
тени, шурша, на обои мои слетают.

Ложатся неровно, свиваясь, сливаясь, путаясь
с морскими течениями, с гулом в моих артериях...

Это рождается бледного утра рунопись
на острие вечных небесных перьев.

Война и мир

[Мир]

Проснёшься утром и думаешь: мир на месте.
В окне всё то же — берёза, на ней вороны.
Гремят кастрюли на кухне и дождь по жести.
Так было в детстве. А вдруг?.. И таишься сонно.

Разбудит мама:
— Вставайте! На завтрак творог.
Гулять недолго, на улице очень сыро!

Потом вспоминаешь — боже, тебе ж за сорок.
Ещё вспоминаешь — нет никакого мира...

[Война]

К войне привыкаешь. Где-то идёт война,
А ты просыпаешься, ставишь согреться чайник.
Ты смотришь на мир из собственного окна,
А там на проталине пара собак сучает.

Войну ты включаешь с выпуском новостей.
Она похожа на выдумки Голливуда.
Её можно вместе с кофе подать в постель.
Под неё можно сексом заняться или помыть посуду.

Война утомляет флагами всех мастей,
Дешёвым пафосом безобразных прилюдных истерик.
А чтобы не было бездомных старух и убитых детей,
Выключаешь телик.

2015–2016

Звезда

Наверно, я схожу с ума,
От монотонности зверя.
Какая долгая зима.
Какие чёрные деревья.

Зажатой рёбрами душе
Тоска в тугом венозном гуле.
Но зреет на небе уже
Моя серебряная пуля.

И ты мою увидишь тьму,
Почуешь привкус «Куба либре»,
Когда в объятия приму
Звезду убойного калибра.

Кукольная история

...А никакой истории не было.
Личности куклам не полагается.
Ей надевали платьице белое.
Ей надевали чёрное платьице.

*
Ей говорили: ты королева, Машенька.
Ей говорили: Маша сегодня Золушка.
Время прошло, и Машенька стала страшенькой.
Кукла – не кукла, а возраст не красит, что уж там.

*
Как-то на праздник гости сыграли туш.
Вина, закуски, приборов-бокалов звон...
Куча подарков, в пёстрой коробке – он.
Это у нас для Машеньки будет муж.

Время как будто прытко пошло назад.
Возраст – не возраст, мечтанья своё берут.
И полюбила мужа она к утру.
Только... сегодня, Машенька, он твой брат.

*
Это у вас всё сказки. У кукол – быль.
Кто ты, зачем? Да лучше б уже в утиль...

Иней

Я видела иней на ветке осины –
 холодного утра печальную накипь,
 тревожную бледность на облачно-синем...
 Зимы уходящей прощальные знаки
 беспомощны, жалки, отчаянья полны.
 Сегодня ли? Завтра?.. Цепляясь за ветки,
 столбы, перекрестья проёмов оконных,
 верёвки с бельём на балконе соседки,
 зима, одичав, забивается в щели
 и сходит с ума от весеннего шума.
 Сегодня ли? Завтра?.. Грачи прилетели.
 А ей даже рая никто не придумал...

На линии огней

Короче ночь, а день длинней, длинней.
 Но жидок свет, рассеян и пуглив.
 Я остаюсь на линии огней.

На площади, похожей на залив,
 Сквозь редкий дождь сочатся фонари,
 И каждый бесконечно одинок.
 Сырой асфальт оранжево искрит,
 Шипит и тлеет...

Времени исток

Заирился по осени ещё,
 И тёмная озябшая вода,
 Заросшая диковинным плющом,
 Дрожит, не убегает никуда.

И оттого я больше по утрам
 Не вспоминаю, сколько же мне лет,
 И между днями – сколотая грань:
 Ни тьма, ни сумрак – этот рыжий свет.

И оттого я больше не спешу,
 Я остаюсь на линии огней
 И ни во что не крашу белый шум
 Дождливых дней...

Дикое зелье

Тихо. Водой налившись, темнеют тропы.
Лезет из снега вечный брусничный лист.
Серый небесный купол истёрся, лопнул,
Дымчатой мутью влажно сползает вниз.

Виснет на ветках дождь — ледяное пламя:
Горечь коры, уснувших желаний тьма...
Так захотелось капли собрать губами,
Будто без них от жажды сойду с ума.

Дикое зелье, капля на тёмной хвое...
Птицы раскрутят небо над головой,
Канут в просветы... Капля. На тёмном. Кто я?
Встану, качаясь вместе с сухой травой.

Ветер смешает память мою с туманом.
Мысли зацвиркают глупо, на птичий лад.
...Ты позовёшь, и ветви качнутся странно.
Нет никого... Но я же была. Была?

Господи, крикнешь, где ж тебя черти носят?!
Эхо подхватит крики, рассыплет в прах...
Хочешь меня увидеть? Так пей, не бойся,
Дикое зелье, дождь на лесных ветвях...

Любовь

Подбери меня где-нибудь в городе,
на скамеечке возле липки.
Ничего, что синяк на морде,
не страхуют года от ошибки.

Я ведь тоже была красотка
в девяностые, то ли дело!
Сколько соколов между ходками
на моё покушалось тело.

Дело бабье — состроишь глазки,
глядь — уже прикипел всей кожей.
А мне, знаешь, не жалко ласки.
Вдруг любовь, так чего выёживать?

Не корысти, опять же, ради,
не каким-то ханыгам с улицы...
А!.. Теперь, при таком параде,
мне обратно в Юргу не сунуться...

Я любви отдавала силы все,
как красотка Джулия Робертс.
Колька точно б на мне женился,
если б спьяну на мне не помер...

Зазвонят по церквям на Спаса,
будет солнце по-бабьи ласково.
Закопай ты меня за насыпью,
где идут поезда с Казанского...

Шрам. Шёпотом

Белобрюхая рыба моей души,
беззащитное брюхо своё чеши
о шипы уснувших в тиши вершин
и в глуши шуршащие камыши.

Шёпот, шум, в шуге шелестят шаги.
Что случилось, кто же сюда спешит?
Шевельнулись нежные плавники —
всполошилась рыба моей души.

Зашумит шалфей, растревожит ширь.
Затрещит шафрановый шёлк небес.
Белобрюхую рыбу моей души
потрошить решился залётный бес.

Ухватил, летит чешуя, кошмар.
Только слышно — шлёпает шалый хвост...
Да опешил что-то — нащупал шрам:
потрошили рыбу, зашили вкось.

Белобрюхую рыбу подшибли влёт.
Чешую долой, и ножом ожгло...
Уж нашёлся фельдшер, щекастый чёрт,
так заштопал, что полетишь щеглом.

Не шипи теперь, жабры шлёп да шлёп.
О плешивые рощи чеши, чеши
безобразные шрамы — разнылась что-т
потрошёная пустошь моей души...

Сезоны¹

Время подобно почке
Туго набито жизнью
Горечью лопнет полдень
В мальве завоет шмель

Лето расставит точки:
Ёжики, клёв... Скажи мне
Видишь в зрачках смородин
Грусть уходящих дней?

*

Путаю дни и даты
Ем анальгин и кальций
Холод и дым вдыхаю
Так, что в затылке звон

Время придёт в халате
Белом до хруста пальцев
— Доктор? — Да-да, больная...
Эхо и крик ворон

*

Мы пережили зиму
Время считать потери
Время пинцетом дёргать
Новую седину

Время забыть про климакс
Снова любить и верить
В отпуск июль дорогу
Море и тишину

¹ Публикуется с сохранением авторской пунктуации. — *Примеч. ред.*

Рыжий сад

Ты просто торопишь ночи — туда, где день
гоняет машинки по вывертам эстакад.
А мне в полудрёме, моём никуда-нигде,
не нужно ни света, ни истины.

Рыжий сад
меня приютил, и ползут по ногам вьюны,
и пульс нитевидно вплетается в шорох трав.

Ты видишь иначе, ты смотришь другие сны,
в них пляшут красотки, свои подолы задрав.
И ты просыпаешься, гладишь моё бедро,
встаёшь и уходишь на кухню — курить, курить...

...Вьюны прорастают в сосуды и тянут кровь,
кишат, извиваются, словно в садке угри.
А мне всё равно. Я вырастаю в пейзажный зной.
Под рёбрами пусто. В глазах колыханье крон.

Быть может, однажды ты спляшешь во сне со мной,
янтарной мулаткой, бесстыдной, как долгий стон.
Зрачки раскалятся, оранжевым пыхнет тьма.
Не гибкое тело тебя обовьёт — лоза...
Быть может... однажды...

Белеют в окне дома,
и рваная дымка бинтует мои глаза...

Коты в мешке

У всех такие важные дела.
Послушаешь — атланты и титаны.
А я всегда придурочной была.
Не то чтоб душой, но довольно странной.

У каждого галактика в башке,
И в ней многозначительны объекты.
А у меня в башке — коты в мешке
И справа за решёткой доктор Лектер.

У всех печаль во взгляде, горечь лет,
Великие мечты, большие планы.
А я — такой сутулый силуэт,
Тяну бычок в сторонке, ёлы-палы.

Мне кажется, что я совсем не там.
Мне надо петь фальшиво в электричках,
Шарахаться от встречного мента
И вкалывать на должности технички.

Собрать всю грязь, какой вокруг полно,
Чтоб жёсть мозолей твёрже, чем медали,
И, «Астрой» выдыхая вам под нос,
Сказать: вы горя в жизни не видали!

Сатори

Скрип снега. Отдалённый лай собак.
 Качает ветер тоненькие сосны.
 Я знаю, что живу не там, не так.
 Да бог с ним.

Тому, что свет мой путает и тьму
 и боль мою затачивает остро,
 не важен век и адрес ни к чему
 и возраст.

Оно скребёт обшивку изнутри,
 тревожит память, запертую в генах,
 пластует сны до проблеска зари,
 как лемех.

— Ты слышишь, — говорит, — вороний гам
 на древнем облупившемся соборе?.. —
 И шепчет незнакомо по слогам:
 — Са-то-ри...

Падает снег

Tombe la neige,
 tu ne viendras pas ce soir...¹

Salvatore Adamo

Дай мне спрятаться. Это просто.
 Ты обнимаешь, я закрываю глаза.
 Эти страхи такого роста,
 что я вижу их всюду. Они лезут из-под, из-за.
 Сделаться крошечной.
 Чтобы с рук меня не спускал.
 Говорил бы: ну что ты, ну что ты, хороший мой,
 что ты, девочка. Целовал у виска,
 перебирая волосы,
 касаясь прохладными пальцами шеи.
 Говорил бы: поплачь, не бойся,
 я не скажу ни одной душе...
 У меня — поверишь, нет ли —
 вместо лёгких — пасмурный клок небес.
 У моей оболочки спущены петли,
 как собаки с цепей...
 Ты умеешь лечить абсцесс,
 порождённый скоплением серых промозглых дней,
 незнакомых лиц с фамильным прищуром глаз?
 У разбросанных мной камней
 пуповина оборвалась —
 чужаки, велики они, как Стоунхендж...
 Дай мне спрятаться, выдохнуть неба холодный жар...
 Tombe la neige,
 tu ne viendras pas ce soir...

¹ Tombe la neige, tu ne viendras pas ce soir... (*франц.*) — Падает снег. Ты не придёшь сегодня вечером...

Олл ю нид

Тут, на повороте, — шкаф.
Там, за поворотом, — дверь...
Олл ю нид, как водится, из лав.
Вот брожу по комнатам теперь.

На обоях рыжие цветы.
На окне пророс зелёный лук...
То на пульте кнопки тык-тык.
То включу, то выключу утюг.

Выдох. Вдох. А между ними вой.
Птицы как застряли в тополях...
Ты хотя бы знаешь, до чего
хочется надраться в пух и прах?

И сплясать на кухонном столе,
перебить посуду, так-растак.
Чтоб фанфары-туш-парад-алле,
чтобы память с чистого листа —

ни теней, ни контуров, ни лиц
в распоследнем обморочном сне,
будто под наркозом мне свели
запах, цвет и вкус прожитых дней.

И среди великой пустоты
ни имён, ни слов — пригоршня букв,
шкаф и дверь. И рыжие цветы.
И лук.

Пусть так

Когда болишь до краешков души,
до самых закоулков дистонии,
и мир до тёмной комнаты ушит
умелыми вселенскими портными,

и не дышать — так просто, так легко,
но крик летит за верхнюю октаву... —
не слушай шёпот серых сквозняков
и плотных штор, раскроенных под саван.

Ещё гудит межрёберный набат,
ещё сойти так хочется с ума, но
уже белеет утренний обрат
спустившихся на улицы туманов.

Из них всплывают бледные дома,
матёрых тополей лоснятся выи,
и старый двор, заиленный лиман,
мелеет, тянет жилы бельевые.

И ты ещё вгрызаешься в кулак,
но утро пробирается сквозь шторы
и тикают часы: пус-тяк, пусть-так...
Жива.
А ночь придёт ещё не скоро...

Картинки. Морское

Тасуй воспоминания, тасуй —
о том, какая бледная лазурь
натянута на кромку горизонта

и я гоню эвксинские понты —
скачу себе по берегу, а ты
кряхтишь, вздыхаешь, стонешь — босиком-то.

Волна сбегает, камушки шкворчат.
Из пены нарождается причал —
худой телёнок с рыжими ногами.

Июль уже даёт заметный крен.
Ты загорел, ты турок или грек,
а рядом я в такой пастельной гамме.

Тасуй воспоминания, тасуй.
Малина перезрелая в тазу.
Цикорий, голубеющий на склонах.

Рассказывай, как ночь приходит с гор.
И, может, я увижу Капсихор —
ленивый, сонный...

Это весна, мой ангел

Небо из нервного вызрело в мятно-розовый.
Это весна, мой ангел, ты можешь выдохнуть.
Плыть в тёплом воздухе, будто... ленивая рыба, ну.
Всё, что мы за зиму в нашей вселенной создали, —

всё ерунда, мой ангел, потёмки разума.
Если метель за окнами — мысли мёртвые.
Мы по ночам прорастали друг в друга аортами.
Мы становились наутро такими разными.

Это, наверное, чтобы не сглазить главное.
Господи боже, да мало ль кругом завистников!
Знаешь, от страха зимой привыкаешь к мистике,
чёрным котам, воронам и чаю с травами.

Ты улыбался во сне, это плохо лечится
феназепамом, текилой, звонком будильника.
Там, за окном, — прозрачно, звеняще, синенько.
Это весна, мой ангел, бояться нечего.

Черновики

В системе сбой.
 Найди черновики.
 Ошибка там, в несказанных словах.
 Что было не дописано тобой?
 Шуршанье трав у берега реки?
 Рассказ отца?
 Оттенок чабреца
 в спитом настое прошлых январей?..

И пыль времён, и времени пыльца,
 и цифры на листках календарей —
 всё это чушь, на девственность икон
 бездарно нанесённый кракелюр.
 У памяти — ни дна, ни берегов.

В тебе есть всё — отрывки древних сур,
 вживлённый на века библейский стих,
 варгана плач, гортанный крик жреца,
 скупой ночлег на Шёлковом пути
 и звёзды, переставшие мерцать...

Ты просто вспомни благовеста вкус,
 мятущийся по клеверу в лугах...
 Не твой хуур тревожил весь улус,
 пока во тьму укутан был восток?

...Найди себя в своих черновиках —
 зачёркнутых словах, обрывках строк...

Дом на окраине

Построишь мне дом на окраине мира,
 где тучи сползают в объятия маков
 и солнце, за небо цепляясь настырно,
 срывается за полночь в пасть Зодиака?

Мне хочется утром с крыльца полусонно
 разглядывать сосны на скальных уступах
 и видеть у стен моего Каркассона
 рассветной росой окроплённые скупой
 несметные полчища горькой полыни,
 ленивый туман, утекающий в реку,
 и помнить себя в сарафанчике синем —
 пока бледный месяц на память не вынет
 и сердце, и душу с уменьем ацтека...

Построишь мне дом на обочине века?

Чужой пейзаж

На свете не много правды,
но радует выбор истин.
Ты веришь чужому взгляду,
чужой своенравной кисти?

Когда из-под жести кровель,
сквозь охру домов, дорогу
проступят уток, основа
(их можно рукой потрогать) —

ты выпукло, каждой нитью
холста, на который вписан,
почувствуешь, что не выйти
за рамки ни вверх, ни вниз, и

ты там, за тяжёлой дверью
придуманной кем-то башни,
из пор прорастают перья,
глаза застывают страшно.

Два мира не равно-везят.
Твоё зазеркалье вязко.
Уводят ступени лестниц
в кромешную темень красок.

И то, что казалось плоским,
не тронуть уже на сколе.
Ты любишь уродцев Босха?
Ты знаешь, что Врубель болен?..

Вплетайся в канву полотен,
никто ничего не скажет.
Ты просто один из сотен
пропавших в чужом пейзаже.

Весна. Городское

Тепло. И утром, выходя из дома,
я слышу запах прели.
Вот и всё.

Мои морозы снова отбелели,
и пасмурные утра отболели.
Бывает, лишь спросонья принесёт
молочный свет за окнами тревогу.
Замрёшь, равняя пульс...

Да что, ей-богу!
Теперь я долго, месяца четыре,
могу пожить сама с собою в мире,
списав на зимний холод понемногу
свою тоску — с истерикой и без,
и то, что прошлых лет ужасно жалко,
и странные сомнения в тебе,
и на окне засохшую фиалку,
и дневников отчаянную вязь...

По вечерам идти не торопясь
по мягко угасающим проулкам,
смотреть на чуть пробившиеся листья
и чувствовать себя почти туристом —
таким блаженно-пафосным придурком;
смотреть на окна разных кабачков,
с тобой держаться за руки молчком —
надолго, навсегда и даже впрок.

Зайти по пиву в рыжее нутро
пустого припозднившегося бара,
и пусть все видят — мы такая пара!
Ходить, ходить — да что там! — до рассвета,
истратить всё, остаться на мели...

А яблони ещё не зацвели,
и впереди у нас так много лета...

Морок

Мне бы бабочкой, одуваным пухом...
Потому что ноги не носят больше.
Мне лететь бы к рыжим огаркам кухонь,
там тепло, а боль... я не чую боль же.

Мне уже не снится ни храм на речке,
ни цветок речной на бездонном стебле,
ни полночный грохот составов встречных...
Только скрип дверей на занудных петлях.

А проснусь — и долго лежу ненужной.
И сама не знаю — мертва, жива я?
Ночь вселилась в стаю ворон и кружит,
всё плотнее солнце в кольцо сжимая.

...Оседают сумрак зелёным илом.
Фонари спросонья бледны и мутны.
Дай мне, Боже, веры, любви и силы
не кричать во сне, не бояться утра.

Межсезонье

Непогода, а хочется выйти под мелкий дождь.
Обмывал он деревья, да ожили. Умывает.
Осень селится в рёбрах — полгода её не трожь.
Я всё помнила мёртвую воду, а тут живая.

Межсезонье, угрюмое время, дурные сны.
Просыпаешься за полночь, ветер гоняет тени.
И синюшный овал похудевшей на треть луны
ухитряется влезть в суматоху моих видений.

Непогода. Под вечер меж пасмурных облаков
самолёт оставляет намёк на возможность лета.
Но не верится. Август до чёртиков далеко.
Забываешь, бросаешься даты сверять в билетах.

Солнце мёдом из трещины в старом худом горшке
по утрам вытекает и скупое, и сладко в небо.
Птицам тоже бы к югу, тут холодно, не Ташкент,
но деревья их ловят в свой чёрный корявый невод...

Тихо, тихо, тс-с-с

Пыталась день выпутывать из сна.
 Стволы осин копили очертанья —
 и вдруг взрывались стаей чёрных птиц.
 Они летели вверх, а я — до дна,
 обратно, в сон, в крошечный прочерк тайны.
 И снова было тихо, тихо, тс-с-с...

Потом в меня опять сочился звук.
 Как белые нервические пальцы,
 переплетался с этой тишиной.
 Пейзаж тускнел, ссыхался, как урюк,
 и я ростком пыталась пробиваться
 наверх, на свет, всё выше, выше, но

пшено секунд клевали воробьи,
 столпившись на чугунной крышке люка —
 над головой дробилось тук-тук-тук.
 Во сне я руки помнила твои,
 вернусь — и снова будет скука, скука...
 А сны умеют прошлое баюкать.
 Ты знаешь, как блаженно гаснет звук?..

Цветы

Когда пройдёт больная полоса,
 я стану видеть цвет и слышать запах.
 Мой скучный мир в немислимых заплатах
 раздуется, как в бурю паруса,

и затрещит панически по швам,
 и лопнет так, что ближние оглохнут.
 И ввалится в седую скуку комнат
 цветущий хаос яблонь — нате вам!

Холодный жар зелёного огня,
 цветы белые, и розовые, и душистые.
 Я не люблю оборочки и рюши,
 но им какое дело до меня?!

И кончится беспомыслие моё,
 где не было ни имени, ни тени.
 ...И я тогда в ближайший понедельник
 открою шкаф и выкину старьё.

Дом, который построила я

Мне некуда, в общем, спешить в этом мире.
Он мной нарисован на стенах хрущёвки,
на старых цветастых обоях в квартире,
на листике в клетку и где-то ещё там.

Я всё, что имею, себе намечтала —
спросонья, в метро, на каком-то вокзале
(я даже не знаю такого вокзала,
где б люди вообще ни о чём не мечтали).

Я строила флигели, домики, замки,
учила мелодии лестничных скрипов,
входила в пике, выходила за рамки,
любила тебя до бесстыдного хрипа...

На струнах вселенной играет восток, но
не всякое утро мудрее, чем вечер.
Рассыплются замки, и краски поблёкнут...
Но всё преходяще, а музыка вечна —

и старых качелей напротив подъезда,
и рыжих трамваев, бегущих нетрезво...
А может, и песня моя не допета
в одном из миров Эверетта¹...

¹ Хью Эверетт — основоположник теории множественности миров, которая предполагает существование параллельных вселенных, такого ежесекундно ветвящегося мультиверса.

Некоторые воспоминания

Пришёл циклон, накрыл дождями Аттику.
Озяб турист, бежит с болгарских дач...
Мне подавал вино румынский дядька.
За чорбой отбивная — ешь и плачь.

На рыжей черепице мох столетний.
Кряхтят дома, забывшие свой век.
Им только дождь рассказывает сплетни,
Как там сегодня турок или грек.

Дунай рябил, раскидывая блики.
Ночная Буда — сказочный мираж...
А помнишь «Чарнок» возле Базилики?
Какой давали сегедский гуляш!

А в Сербии, где деньги словно мусор,
За десять евро сам стели постель.
Ты помнишь пиво, секс и запах дуста?
Наш первый ниже плинтуса мотель...

Потом за Прагой — Чорштын, день покоя...
Прибалтика, тоска, за стогом стог...
Но ты всегда рулил одной рукою,
И ёлки веселились вдоль дорог.

И нам тогда завидовали все, блин, —
И не было ни после так, ни до —
И та эстонка, кругленькая Мерли,
И тот бармен из рижского «Лидо»...

Напомни мне, какой сегодня год

Напомни мне, какой сегодня год...
Вовсю цветут на вырубке фиалки,
и красноватым стеблям иван-чая
так хочется поближе к облакам.

Всё то, всё так на сотню лет вперёд.
Уже давным-давно последний сталкер
на пенсии безвылазно скучает,
играя в подкидного дурака.

И мне сдают одно из года в год:
пиковой масти зимние сезоны,
когда душа висит на волоске;
кресты иных родительских суббот,
осенних храмов, старых рам оконных
и птичьих лап цепочкой на песке.
А изредка — недолго, долгожданно
(но эти дни особенно грустны) —
червовый цвет предчувствия весны
и бубны летних месяцев-шаманов.

И я, бывает, выйду на балкон,
смотрю на зацветающие вишни —
и помню все на память лепестки.
В церквях стою подолгу у икон,
всё кажется надуманным и лишним,
и хочется, чтоб ласточки под крышей,
дорога, пруд, скрипучие мостки...

Побыть одной, побыть самой собою
и перебрать, как чётки, каждый миг.
Но только Бог, наверно, так велик,
что чуда одиночества достоин...

Двадцать восьмой

Двадцать восьмой, последний, на бруствер упал.
 Сколько бы ни было засланных в мир мессий,
 Не оправдание гибели их судьба.
 Ты же, родившись, не пули под дых просил.

Жизнь по спирали. Ты выучил свой урок?
 Тесно сжимают пружины стальной бока.
 Пусть ты однажды и сделаешь всё, что мог, —
 Как ты войдёшь туда, где была река?

Нет. В перепаханных хлябях родных полей
 Ляжешь соломинкой в грязь — и таись, таись...
 Всё, что получишь, по силе дадут твоей,
 А не осилил — так вон же синее высь!..

Пуля — тире. И точка. На шее крест.
 А по губам муравей поползёт, дурак.
 Небо большое, там много свободных мест.
 Верую. Сдохните, твари.
 Последний шаг.

Чёрный сок

Полупьяной, безумной случилась у нас весна.
 Допивали вино прошлогоднее — чёрный сок.
 Ты до этой поры ничего обо мне не знал,
 Думал — просто мерещится шёпот речных осок

И звенит серебро на запястьях, не лёд в ручьях.
 Думал, будто от света луны я кажусь седой
 И кукушкины слёзы — трава, стебелёк худой.
 А потом ты однажды как будто напился пьян,
 Оттого и услышал, что я говорю с водой.

Ты решил, будто жить нам с тобой до скончанья лет,
 А во мне нелюдское, чужое горит, болит.
 Так хотелось, когда осыпался вишнёвый цвет,
 Выйти из дому, с ветром взлететь да пропасть вдали.

Если что меня держит, так только другая, та,
 Для которой ты демон, титан, полубог, асур.
 Рядом с нею и солнце не солнце, а так, пятак,
 И в анамнезе нет у неё лягушачьих шкур...

Ты до этой поры ничего обо мне не знал.
 И сейчас позабудешь... забудешь... всё только сон...
 Полупьяной, безумной случилась у нас весна.
 Допивали вино прошлогоднее — чёрный сок.

Четыре зелёных свистка

Налей мне. Я, в общем, особо не пью,
но дело такое — тоска.
Ты знаешь, она прорастает, как вьюн,
когда поезда, уползая, дают
четыре зелёных свистка.

И тот, кто отчалил, — счастливый дурак —
немедленно стелет постель.
А ты аутсайдер, и дело табак,
ты сборщик полночного лая собак,
хозяин пустынных земель.

Ты делаешь пару дурацких шагов...
Так нужно — и машешь вослед.
А там календарь полчаса как другой,
ребёнок над чаем качает ногой
и время открыть туалет.

И поезд как будто проходит насквозь,
оставив в груди пролом.
Такая досада, беспомощность, злость
на это ночное холодное врозь,
на тёмный пустующий дом...

А там — красота, огоньки среди полей
и тянет прохладой сырой...
Ты знаешь, давай-ка налей по второй.
И сразу по третьей налей.

Моё лето

Галки-галочки над золочёными куполами...
Лето коротко, и — беда такая —
раз оно началось, развязало и в пополаме,
значит, кончится, канет в дождь, пузыри пуская.

И поэтому я смотрю на него с опаской.
Каждой порой ветер вбираю — жёлтый, сиреневый,
боевой, луговой, пьяной, пряной раскраски.
Задыхаюсь, сбиваюсь, мне не хватает времени.

По утрам город пахнет прибитой пылью и клевером.
Нам по десять, помнишь? Позавтракать —
и по зарослям диким!..

Хочется плакать, но я не скулю, выдыхаю и верую
в бесконечный июнь и завязи земляники.

Сквозняки

У птиц везде построено жильё,
а я слоняюсь душой неприкаянной.
А пух летит, и радио поёт,
и в барах на последнее копьё
гуляет центр и жмутся окраины.

У сумрака повадки кошки,
он когти запускает между рёбрами —
и чувствует: знобит меня пока
от мутной браги — влаги сквозняка
и визга паровозного гудка,
которым облака до крови содраны.

Почудятся мне в этих сквозняках
Абрау, осень, сонная гостиница.
Вдохну, зажмурюсь — чайки на буйках...
Толкнет прохожий: ох, простите, ах.
И наважденье бабочкой в руках
забьётся, побледнеет и осыплется.

Приди за мной. Плутаю по дворам,
схожу с ума по всем возможным признакам.
Ещё немножко помнится вчера...
Но, если не отыщешь до утра,
я стану призраком.

Сумрак

Мне скостят грехи не за давностью зим и лет,
А за то, что крылья мои и во тьме легки...
Я люблю бессильный и зябкий декабрьский свет
И вороний профиль рассветной моей тоски.

Это сладко — плакать от скрипа родных дверей,
Узнавая в жалобе свой полуночный всхлип,
И брести впотьмах гололёдом пустых аллей,
Где черны кораллы заборов и голых лип.

...Надломился в оттепель серый корявый наст.
Настоялся воздух на травах — запоем пей.
Янтарями полдень налил в Медовый Спас,
Да слетели листья в речную свою купель.

Я была распутной, распушенной и лихой.
Припухали губы — куда же ещё пьяней?..
Но пришёл ко мне отпущением всех грехов
Бесконечный сумрак томительных зимних дней...

Тень от тени

Шаманский бубен гудел негромко.
Тугие капли созревших звуков
срывались гулко, и камнеломкой
рвалась наружу немая мука.

Из каждой клетки — из клетки тела
она пускала свои побеги.
Она не знала, чего хотела,
она забыла ветра Онеги.

А те качали святые сейды,
лизали раны, ревели в скалах...
Цвели фантомы закатов медных,
зрачки сжигая до углей алых.

Встречала память гортанным криком,
тащила в древность по перекатам,
и ты качалась на грубых стыках...
По капле звука на каждый атом —

и дикой песне покорно тело.
Рисунок неба измят и скомкан,
но ты послушна. Ты тень от тени...
Шаманский бубен гудит негромко.

Пилигримы

Воздух к ночи остыл. Заостряются листья.
Запекаются чёрными сгустками тени.
Я гадаю на бледном моём аметисте —
Лепестках принесённой тобою сирени.

Мы с тобой не давали нелепых обетов.
Нас венчали клубы сигаретного дыма.
Пили ночи запоем. Цедили рассветы...
Развращенцы и вольной любви пилигримы.

Ты устал и ушёл, мой загадочный Будда.
Навалилось полуночной тьмой заоконье.
Убрала со стола. Перемыла посуду...
Ну подвинься, ты слышишь? Бессовестный соня.

Москва – Питер

Хороший мой, сегодня дождь и дождь.
 Ходили с псом гулять в сырые дебри.
 На вырубке трава хмельная сплошь,
 качаются подвыпившие стебли.
 Тепло, спокойно. Птицы голосят.
 Заходятся вороны в перебранке.
 А помнишь, в это время год назад
 солёный холод в пасмурной Паланге,
 тоска дорог и мызы по бокам,
 по радио этнические ритмы...
 У памяти чутьё острее бритвы,
 она со мной играет в дурака,
 подкидывая то, что не отбить...
 Давай ещё вернёмся – в Ригу? в Пярну?
 Ты любишь поболтать за стойкой барной
 с блондинками о жизни и любви
 на эсперанто мимики и жеста –
 и декольте становится им тесно...
 А мне смешно: позёр и ловелас,
 чумная кровь... Я вся с тобой сбылась
 до самого нескромного желанья,
 а прежде и цена была мне грош...
 Хороший мой, у нас сегодня дождь.
 Гуляли с псом. Промокли. До свиданья.

Цветок

Мне не стать для тебя единственной на земле –
 За твоими плечами маячит целая жизнь.
 Я уеду туда, где полчища кораблей
 Из-за моря привозят фрукты и миражи.

Я куплю задарма у старого моряка,
 Сторговав за три пива в плохоньком кабаке,
 Пару скверных баек, в которых любовь горька,
 Как незрелый цитрус в тропическом далеке.

Расскажи мне, плут, завираясь в припадке чувств,
 Что моя печаль – просто мусор у серых скал.
 (– До чего же, девочка, редкая блажь и чушь!
 Ты смешную рябь приняла за девятый вал!)

Ну давай же, давай, не жадничай, расскажи
 О наколке, которую – выл, а всё-таки свёл,
 О сырых канатах, что вместо душевных жил,
 О слезах, что не выплакать – больно крутой посол...

Всё ты врешь! Как и я, ты с красным цветком внутри.
 Лепестки его режут – что там твои ножи...
 Я хотела единственной быть, но, чёрт дери,
 У него за спиной маячит целая жизнь!..

– Быть кому-то единственной... нет ничего больней.
 Ишь ты, дура какая, – мне подмигнёт старик.
 ...Я уеду в далёкий порт, где полно кораблей,
 Где скрежещут снасти и ветер сжирает крик...

Двор

Дышалось влажно, тяжело, не насквозь.
Дома просели, небо принимая.
Вздохмаченная, псивая, немая
явилась ночь, оглохшая от гроз.

Боясь ступить за рыжий полукруг,
курил сосед у сонного подъезда,
и тень его уродливо, болезно
тянулась прочь худым подобьем рук.

Сверчал сверчок. Я тихо шла домой.
И тридцать лет назад всё было то же,
но был ещё пацан сосед Серёжа,
не пил, не спал с толстухой из второй.

Меж тополей, на лавке за столом,
привычная дремала Воробьиха:
муж-ветеран, закладывая лихо,
гонял её, как фрица под Орлом.

Там, во дворе, с тех пор и посеичас
натянуты верёвки бельевые
и тётя Люба сушит голубые
семейники, что носит дядя Стас.

И карусель ржавеет до сих пор —
скрипучая, куда там покататься...

Пока ты есть, мне всё ещё семнадцать.
Не надо, не меняйся, старый двор.

Три дня

Ну вот, среда. Ещё три дня,
всего три дня — и будешь дома,
на расстоянии дыханья
на час, на два, на сто часов.
И больше незачем менять
моё безумие на кому,
пусть плещет в лунную лохань,
орёт на тышу голосов.

А было так: я не жила.
Не понимала вкуса чая.
И чепуху бесцветных снов
с собой таскала целый день.
Шептались тени по углам,
меня уже не замечая,
вращали в нёбо корни слов,
и зябко щурилась мигрень.

Всего три дня... закат, рассвет.
На чердаке лопочет голубь —
о чёрт-те чём, поиди поиди,
гортанно, нежно... У меня
ночник до времени ослеп,
стекает ночь по лунным сколам,
слабеет, мается... Аминь.
Ещё три дня.

Цвет люпина

Когда спадает лютая жара
и вечер обретает цвет люпина,
становится спокойно и легко.

Сплетаются любовно стебли трав,
прохлада шарит в зарослях лениво,
на выдохе рождая мотыльков.

Просёлок пуст, и мир похож на сон.
Двоятся голоса, роятся звуки —
чужие, не знакомые ничуть...

Иду себе по сумеркам босой.
Ну, вот сейчас, смотри: раскину руки
и — полечу...

Чёрный воск

Засыпаю на левом боку — на твоём плече —
на диване-кровати — на улице с буквы М.
Ты считал эти ночи, десятки таких ночей?..

Суицидно касаешься голых моих клемм,
и бежит, обгоняя безумие, жаркий ток.
Разрастается ночь под прицелом оконных линз,
и стекает по стенам горячий кромешный воск —
время плавится. Всхлипнув, срываются капли вниз...

Не считай эти ночи, так будет всегда, зачем?
Засыпаю на левом боку, на твоём плече...

Река. Лето

Пахнет рекой. В погребе стынет пиво.
 Вялится рыба – чисто янтарь на солнце.
 У тростника стебли не стебли – гривы,
 словно табун по берегам пасётся.

Ляжешь в тенёк. Только моторки слышно.
 Редко гудок даст теплоход-скиталец.
 Сквозь решето тесной листвы и вишен
 шуришься в небо, будто какой китаец.

Там – ничего. Облако. Хищник кружит.
 Ветер как будто спит и во сне вздыхает.
 Все рыбаки ловят леща на ужин.
 Щучку поймают – будет ещё уха им.

Камешки-блинчики прыгали – кто же больше?
 Дни бесконечны, сонны, ленивы, жарки...
 Что ты молчишь? Помнишь слова? Спой же.
 Про пароход белый-беленький, ёлки-палки.

К чёрту послав и дела, и года, и город,
 жили мы тут – Волга, песок и лето,
 ласточки, чайки, яблоки-помидоры.
 А доживать все разбрелись по свету...

У небесной коровы кончилось молоко

...Что ходить-то вокруг да около? – Это грусть.
 У небесной коровы кончилось молоко –
 золотое, горячее, с пенкой из облаков.
 Я пила и не знала: однажды я в хлам напьюсь –

до измокшей рубашки, распахнутой на груди,
 до пшеничной пряжи, что рядом с лицом летит,
 до тягучего мятного выдоха-стона-сна
 (засыпала, раскинувшись жарко, бесстыже, – на!)

А похмелье пришло – серый сумрак, пустой покой...
 У небесной коровы кончилось молоко.

Две почтовые марки

Женьке

...А на почте почти никого. Мне бы пару марок.
Мне отправить письмо в ветряные просторы Чегета,
чтоб меня не забыло серьёзное горное лето...

Возле моря астматик-июль безнадежно жарок,

и стволы эвкалиптов лоснятся на вялых склонах:
гладишь дерево, будто бы шею взопревшей кобылы.
Электричка ползёт в Туапсе, подвывая без силы,
трепыхаясь, виляя своим хвостовым вагоном.

Ближе к ночи, изнежен, распят на горячем пляже,
проклинаясь себя: что забыл ты в покое и неге?..
Я смотрю в облака, я грущу и тоскую о снеге,
о костре, что в горах мотыльком под ветрами пляшет.

Слышишь? Море шуршит: ну послушай, не нужно, хватит...
Только мне бы усесться над пропастью камню на пузо
и, болтая ногами, дразнить старикана Эльбруса —
допотопную свечку, оплывшую в рыжем закате...

По другую сторону стекла

Помоги не тронуться умом.
Развяжи в душе моей узлы...
Ночь. Гроза. Потрескалось трюмо.
Густо пахнет горькая полынь.

Босиком — ни зябко, ни тепло.
В зеркале, за тьмой, за гранью, за... —
скулы грубо взрезаны стеклом,
надвое расколоты глаза.

Ливень бьёт по вёдрам у крыльца...
Трещины расходятся от губ.
Этими осколками лица
даже улыбнуться не могу.

Крик спугнула бледным взмахом рук.
Только задыхаясь, поняла:
в эту сеть меня поймал паук
по другую сторону стекла...

Имена

На крыльце сидел, курил одну за другой.
Торопиться некуда, счастье — подать рукой.
Август. Прохладно. Травы искрятся росно.

Доносит ветер с окраины сонный лай.
Свет бы включила, а говорит: не включай!
Шторы раздёрнул — только луна да звёзды.

А губы сухие, жадные — не для слов...
Навязала ночь на ветвях узлов.
Воздух — дремучий, вязкий — лилов и сладок...

Рождаясь заново и жду, когда наречёт.
А имён всего-то, наперечёт:
Поля да Поленька — большего и не надо.

Сейчас хорошо

Стихи не писались, не думались, просто жили —
цветастые фантики, кремовый дух ванили,
бумажные в клеточку птички и корабли.

Коптилась рыбёшка — одно баловство, не рыба.
Поплывать — не плавать — лежать загорать — на выбор.
— Самса-хачапури! — кричит нараспев Али.

Лежу возле неба, касаюсь его руками.
Волна набегает на серый шербатый камень,
и тот выдыхает привычно, беззлобно: пш-ш-шла!..

Волна отползает и тащит с собой мальчишек
и тётку в панаме. У тётки всего излишек:
купальник натянут, как парус, трещит по швам.

По лысой горе убегают наверх сосёнки.
В разгаре сезон в пропылённом морском посёлке.
Я тоже турист, я на гальке лежу пластом.

Пацанчик несёт черноморских креветок тельца.
Бутылке пивной на жаре, как и мне, потеется.
Сейчас хорошо, остальное потом, потом...

Джаз, ежевика и кот

Влюблённые навеки в сквозняки,
танцуют шторы, томны и легки,
послушны закипающему зною.
Сквозь пыль и шум в эфир пробился джаз,
но горлица уныло завелась
оплакивать никчёмное земное.

И в полудрёме кажется: ага,
уснуть, уснуть, пошло бы всё к богам...
И тут же в сон вплетается дорога,
чернеет ежевика по бокам,
и вот уже и губы, и щека
лиловые от ягодного сока...

Но рыжий кот, хозяйский хулиган,
облюбовал, мерзавец, мой диван,
мешает отлететь душе к истокам.
И я встаю. Лепёшка. Сыр. Вино.
Тут море плещет чуть ли не в окно.
Упасть и плыть, рассматривая дно...
Всё остальное — морок и морока.

Зонтики

Сегодня морю тесно в берегах.
В утиль сдавайте лоции и карты!
На пляже, потеряв покой и страх,
зонты взлетают — бабочки-мутанты.

Над берегом несётся штормо-вой.
— Лови! — кричит мадам, срывая голос.
Поймаю зонтик только для того,
чтоб полетать на нём, как Мэри Поппинс.

...И я уже взяла на Ялту курс,
смеялась и пугала птичьи стаи,
но тут сказал какой-то карапуз:
— Смотри-ка, мама, лето улетает.

Пришлось вернуться...

О грустном

На море грусть совсем не та,
она светла и серебриста,
попынкой веточке сродни.

Уходишь в дальние места,
в густую зелень кипарисов,
сидишь под соснами в тени.

И плакать хочется не так,
как ночью плачется на кухне
под монотонный ход минут.

Далёкий синий Аюдаг
в морской волне полощет брюхо.
На небе — облачный лоскут.

Пугая сонных мотыльков,
ладонью тронешь сухоцветы,
огладишь пыльный жар камней...

Тут скалы, спутники веков,
в доспехи ржавые одеты,
и мимолётность лет и лета
болит во мне...

Он мне писал

...А он мне писал: ну давай я приеду за вами,
неужто не хватит с вас этого Чёртова моря?!
Ругал его самыми распоследними словами,
не со злости, конечно, так, от тоски и горя.

Может, и нужно — вернуться, жить как обычно.
Но тут, понимаешь, пахнет йодом и кипарисами.
Давай уедем, бог с ним, это не так критично.
А море останется — ныне, во веки веков и присно.

Я уеду, оно будет биться о вечные серые камни.
Да и билось оно без меня миллионлетия.
Да что это море? Да и вообще, на черта мне
кефаль, бакланы и ежевичные плети?

Но скажи мне...
Как посреди зимы, мучительной, словно пытка,
выжить, запаха шторма не помня?
Не зная, как топчут седую траву копыта,
как в дикий галоп срываются кони

и речка, бегущая к морю, сходит с ума от ливня,
а к вечеру стихнет — и снова цикады цвиркают?
Неужели тебе всё равно, скажи мне,
что годы без моря написаны под копирку?..

А он просил: ну давай я приеду за вами!..
В трубке гудели машины и гремели трамваи.

Гора

Я здесь бываю реже, чем везде.
Я не люблю кладбищенские туи.
Тут ветер с моря носится, лютуя,
И надпись полустёрта на кресте.

Тут вечность постигают все подряд:
Татары, православные, евреи.
Один вообще, похоже, из Кореи.
Родился в мае, жил до января.

С горы напротив стонет муэдзин.
Зудят под вечер травы насекомо.
Вон там, у клуба, в трёх шагах от дома,
Вином торгует в розлив магазин.

Бреду наверх, бодрю себя пустым:
Из праха в прах, взойду цветком, быть может.
Подъём всё круче, лезу, обезножев,
На каменный обветренный пустырь.

Там — ничего. Натянут на обрыв
Цветущий мох, как лопнувшая кожа,
И время, одурев, беззубо гложет
Века и сланцы, сложенные вкривь.

Но только там, на маковке горы,
Как Джизус Крайст в благословенном Рио,
Взлечу, раскинув руки, над заливом,
И жизнь, и смерть оставив до поры.

Он вышел в дождь

Он вышел в дождь, накинув плащ,
и вслед за ним уходит лето...
Лопочут листья: плачь — не плачь,
а нас всегда срывает ветром...

Не верь теплу: оно уйдёт,
остынет в холоде бессонниц —
так выбирают мёд из сот,
так затихают крики горлиц.

Не бойся морока ночей:
чем гуще мрак, тем утро ближе,
и сто бессмысленных «зачем»
на нити трав рассвет нанижет
хмельными каплями росы,
и ты опять увидишь солнце,
и через край прольётся синь...

Но то, что было, не вернётся,
и не проси...

Камень-ножницы-бумага

Камень-ножницы-бумага,
Карандаш-огонь-вода.
Руки синие от ягод,
квас из бочки у продмага.
Замуж выйдешь? — Ни-ко-гда!

Камень был насквозь дырявый:
амулет — не амулет.
Не поверила. Не зря ли?
Рос у дома клён кудрявый.
Клён остался — дома нет.

Отрезала, не померив,
из обрезков вышел змей.
Пахло красками и клеем.
Стала я бумажным змеем
на верёвочке твоей.

Вниз по лестнице. Куда ты?
Полон шкаф испитых чаш.
Календарь. У каждой даты —
галки чёрные крылаты.
Исписался карандаш.

Нет у ночи столько мрака.
Окна — мутная слюда.
Всё сожгла, а дождь оплакал.
Камень-ножницы-бумага,
Карандаш-огонь-вода...

Роса

Спаси меня от выпавшей росы,
В ней холод лет, прожитых без тебя.
Её лакают бешеные псы
Из порыжелой своры сентября.

Они приходят в сумеречный час
И, вывалив наружу языки,
Лежат, в густом тумане затаясь, —
Безжалостны, поджары и легки.
Их воя ждёт ущербная луна
С кавернами проваленных глазниц,
И ветер их зовёт по именам,
Бессмысленным, как скрипы половиц.

За ними в травах путается мрак,
И чёрных веток холоден излом.
А здесь, по эту сторону собак,
Ещё тепло...

Но с каждым днём в рассветные часы
Болят сильнее всё, что не сбылось.
Спаси меня от выпавшей росы —
В ней память лет, прожитых нами врозь...

Заповедник

Тут всё, как было много лет подряд:
качели во дворе и дикий виноград,
прозрачная тугая алыча
и рыжий кот валяется, фырча.

Ленивый гомон слышен за окном.
На полке Достоевский, третий том.
Всё лето не дождёшься сквозняка.
На зеркале картинка – ЮБК.

Меж морем утренним и морем файв о'клок
живое ищет тёмный уголок.
Но я уже сомнительно жива,
дышу едва.

(Пропеллер вентилятора бе[з]сил
взвывал, трещал и марево месил,
пока я, утопая в мутном сне,
покойницы лежала на спине.)

На вечер, неподъёмен, кривопуз,
прозябнет в холодильнике арбуз
и, солнцем воспалён и пережжён,
у тёти Вали треснет под ножом.

Сверчки начнут безудержный раздрай,
где рыжий свет цепляется за край
дремучей, вязкой, выморочной тьмы.
И в узком круге лампы будем мы
грызть семечки, смотреть на тёмный сад.
Молчать. Вдыхать: «Такие вот дела...»

Мой заповедник лени и тепла.
Здесь всё, как было много лет назад...

Немножко зябких снов

Немножко сна. Немножко зябких снов.
Зовёшь уехать, шепчешь и целуешь.
Там будут горы, солнце и вино,
Обители и храмы... аллилуйя.

А у меня предчувствия болят...
Часы спешат, отсвечивая серым,
беспомощно оставив циферблат
на голый стебель розовой герберы.

Уже листва желтеет на ветвях.
Ещё чуть-чуть потеплится душа – и
я, кажется, осыплюсь, словно прах,
смешав слова до тихого шуршанья.

Зовёшь уехать... Смятая постель.
Сквозняк тепло из комнаты уносит.
Не торопи. Сейчас я просто тень,
не явь, не сон, не август и не осень.

Белеют окна проблесками дня –
мои давно намоленные складни.
Успение назавтра отзвонят,
и битых яблок полон палисадник...

Облака

Держусь на тонкой ниточке тепла,
но стынет убывающий сентябрь.
Его заря бессильна и бела,
как рыбина, застрявшая в сетях.

Иду у сонных дней на поводу.
Выискиваю смыслы в пустяках.
Вдыхаю сырость, яблоневый дух,
а выдыхаю в небо облака.

И, голову задрав, сбивая шаг,
смотрю, как улетают не спеша...
Так к небу примеряется душа,
так с небом примиряется душа.

Труба

С. Ч.

Ты смотришь сны? Я тоже вижу сны,
где мы с тобою не обречены
на квёлый дождик в Северо-Задонске,

трубу в окне на тыщу стекловат,
почивший в девяностых детский сад
и через лужу брошенные доски.

Со Школьной поворот напра-нале...
во, твой подъезд — волшебное шале:
пять этажей, петунии, две скамейки.

Я вижу за полтыщи с гаком вёрст
тебя в окне — лохматым, сонным, ёпрст,
гитару, макароны и сардельки.

Полтыщи — это, в общем, не беда,
но жизнь их растянула на года,
сплетая дни в сырую паутину.

И мы в сети. Здорово, как дела?..
Какая осень в Питере была!
Каналы, позолота да патина.

Такая туристическая блажь —
крути башкой, высматривай этаж,
где жили мертвецы и героини.

Всё дождь и хмарь, а тут как раз тепло,
и львы почти вставали на крыло,
когда мы проплывали между ними.

...Ты видишь остов тополя в окне,
халат на дяди-Лёшиной жене,
трубу-бомжиху в клочьях стекловаты...

Мы смотрим сны. Потом они болят...
В моём окне такие ж тополя —
попилены, живучи, узловаты...

Лови меня

Лови меня на первую звезду,
на бабочку, уснувшую в подъезде,
на тёплый запах чая с чабрецом.

Я звон росы в простуженном саду,
я ниточка, сшивающая вместе
шаги и скрип состарившихся лестниц,
и день, и ночь, и сон заподлицо.

Я птиц полночных зябкий пересвист
(на ощупь звук прозрачный и ребристый —
пустой стакан на лунном пятак).

За полем чёрной коркой запеклись
леса, леса... И, вынырнув из свиста,
тяжёлый жук утробно и басисто
взлетит, провоет, стихнет вдалеке.

Трава под ветром выдохнет: не трош-шь...
Сойдутся тучи тёмными горбами.

Лови меня, как дети ловят дождь, —
губами...

Ёлки-палки

Какой бывает злой осенняя тоска...
Ты будто бы застрял в белёсой горловине
затянутого вдруг небесного мешка,
и голем тишины мычит в небесной глине.

Косматый великан с рисунком вместо рта,
твой дикий крик бурлит в раздувшейся аорте.
Однажды полыхнёт багряным темнота,
забрызгает листву в осеннем натюрморте.

О чём гадают дождь на вымокшей коре?...
Ещё немного дней, ползущих еле-еле —
и пьяная мезга прошедших сентябрей
напомнит о себе мучительным похмельем.

И, пальцем по стеклу срываясь на дискант,
очертишь вдалеке, обветренный и жалкий,
чернеющий скелет соседнего леска.
Такая вот тоска, такие ёлки-палки...

Сенсорная депривация

Отрывая от солнца жёлтые лепестки,
осень стелет из них дорогу среди дорог.
По бокам от дороги избы, поля, лески...
Приведи меня, осень, в дикий далёкий скит,
где забрызгал осины пьяный брусничный сок.

Чтобы только и слышать, как оторвался лист
и, бесхозной лодчонкой прянув туда-сюда,
зацепился за небо, ветер да птичий свист... —
но захлопал тревожно крыльями василиск
и в остывшей запруде рябью пошла вода.

Чтобы только и видеть камни да серый мох.
И, заметив наутро след непонятно чей,
догадаться, что это стеснительный ходит Бог
с василиском на тощем голом своём плече...

В тех краях

Пронзительно звенят сентябрьские полудни.
Мы с осенью давно тоскуем на паях.
В душе моей светло, спокойно, малоллюдно.
Мне не о чем грустить... Но помнишь? В тех краях,

Где птицы на ветру сродни бумажным змеям
И в пойменных лугах беснуется типчак,
Медовый зной густел, от запахов хмелея,
А к вечеру дурман до одури крепчал.

В дремучей тишине от жажды сохли губы.
Кружили сны, на явь накладывая швы...
Но ты являлся мне бессовестным инкубом
Из шёпота цветов и шороха травы.

Как были эти дни безумны и цветасты...
Да бог с ним! Мне сейчас милее суеты
Аквариумных рыб печальные хвосты,
И мятный чай, и дождь, и вянущие астры...

За лихой рекой

За Лихой рекой под Аксаем
в деревнях огни угасают.
Горько мыкнет скот, разорётся кот,
да зайдутся Жучка с Кусаем.

Где ржавеют падуб да яшень
и уходит бес восворяси,
хлопот крыл – и вот молит Бога кто-т
у резных церковных балясин.

Разольётся марево-морок,
из травы поднимаясь сорной...
Даже дом пустой – не пускай, постой,
на постой паломницу в чёрном.

Будет вещей сон несчастливым.
Скрипнет дверь и качнётся слива...
От крыльца в кусты – птичьих лап кресты
да вороний грай над обрывом.

А Господь один-то и знает,
что за души кружатся в стае...
По домам нишкни. Не горят огни
за Лихой рекой под Аксаем.

Мцхета

В грузинских сёлах жёлто зреет осень
хурмой на тёмной зелени садов.
Приснившееся, кажется, сбылось, и
закат горяч, растрёпан и багров.

И вдалеке, в густой закатной гари,
приютом обретённого креста
чернеет на скале извечный Джвари,
эпохами прочитанный с листа.

Я здесь чужак. Но хочется остаться
среди тьмы и тьмы разбросанных камней.
Здесь ветер вяжет запахи акаций
в мудрёный узел с памятью моей.

И на меня, взошедшую озимо
среди руин и таинства апсид,
Иисус, похожий ликом на грузина,
в Светицховели с купола глядит.

Птица на окне

Забилось солнце в рюмку коньяка.
Октябрь себе вычёсывал бока,
линял, плешивел, крыл сырую землю.

И птица, синехвостая, как ночь,
смотрела с подоконника в окно,
где лето в лампу спряталось и дремлет.

О чём ты, птица, смотришь на меня,
мучительно подёргивая веком?..

Казалось, пошевелишься — и всё:
в печальный список будешь занесён
со всеми, кто решил оспорить время.

А время это бухало внутри,
пульсируя, вздувая пузыри,
оранжевым окрашивая темень.

Зачем ты, птица, голову склоня,
моих минут улавливаешь эхо?..

И тонкий луч тянулся ниткой, но
затихло возле ног веретено,
и тени зашептались безголосо...

Когда придёшь, мне будет много лет,
и будет литься тот же бледный свет,
и будет на дворе всё та же осень.

Садись-ка рядом. Дай же руку мне.
Скажи, ты видишь птицу на окне?

Возрастное

Ей говорили: до лета ещё не скоро,
Пока что вот так, смотри-ка, дыши на пальцы.
Она дышала, дышала, забыв бояться
Озябших собак, вороньего злого ора.

И, может быть, полюбила она бы осень,
Когда бы не этот шорох листвы по венам,
Прихваченный инеем запах земли и тлена
И фонари в оранжевом анабиозе.

Когда бы тревожное, мутное снилось редко
И было бы ей не сорок, а, скажем, двадцать,
Когда ей другие дышали, склонясь, на пальцы
И зонт был не чёрным, а, кажется, красным в клетку.

Покров

...Няня, бывало, положит руки на стол,
долго глядит на них — пусто, молча...
— Витьке тогда третий уже пошёл.
Так и кричал от голода ночью.

Помнится, выйдем с Дусей за лебедой.
Щиплем траву и едим. Не бабы, а гуси...
И усмехнувшись над этой своей бедой:
— Дочка одна померла у Дуси.

Дряблые руки на тёмной доске стола.
В комнате прячет Казанскую на картонке.
— В сорок шестом Дуся в Москву подалась —
к мужу. А мой... три года как похоронка.

Я как начну покойных считать, по ком
даже во сне, бывает, по-волчьи вою...
Землю, Покров, покрой поутру снежком,
а меня покрой доской гробовою.

Качели

Не тоскуй. Ничего-то у нас не отнять
из того, что когда-нибудь было.
Этот город осенний в дрожащих огнях,
тополей безобразные спилы,

у ДК в серебрянке могучий Ильич,
вдохновенный, до боли знакомый,
двухэтажек немецких шербатый кирпич,
оцинкованных крыш глаукома...

Всё с тобой и со мной. Стекленеющих дней
так хрупки и прозрачны каёмки.
Прорастают в меня, намерзают во мне
эти осени, тонки и ломки.

Красно-жёлтые пазлы былых октябрей
рассыпает неловкая память.
Нам по десять. Качели скрипят во дворе...
Ничего ни отнять...
Ни прибавить.

Акварель

Глаза иногда так устанут смотреть вокруг,
что мир превращается в мутную акварель:
корёжится лист, и мазками ложится звук,
и холодно, холодно... Можешь меня согреть? —

оранжевой тишью, тягучей, густой, как мёд,
на тысячи, тысячи мыслей и дней вперёд,
когда, замерев на минуту, умру на час,
когда между летом и летом не греет чай,

когда, расшатавшись, обрушится этот мир,
в котором все живы и веришь ещё в друзей,
когда я останусь один на один с людьми,
которым не скажешь: я слабая, пожалей...

Синицы

Я слушаю неправильных синиц.
Их песни монотонны и бездумны.
Они роняют тоненькое дзинь
на войлок обесцвеченной травы.

Пошиты дни из серых власяниц —
сырых, суровых... Помнишь, в том году мы
уехали отсюда? Увези
меня опять. Я с осенью на «вы».

А там, в Карпатах, сосны на камнях,
дома стары, слепы и полусонны,
века проходят мимо налегке
и в пропасти срываются со скал.

Река бурчит, запутавшись в корнях,
и, словно рис, рассыпаны по склонам
овечки в несусветном далеке,
где горы переходят в облака.

Вино и чорба. Тихая теплынь.
Нагретая на солнце черепица...

Мне в ноябре такая глупость снится.
Ты увезёшь? Давай же, уве... дзинь!

Двухэтажки

У города сломался метроном.
Уже давно везде многоэтажки,
а у соседки, Корневой Наташки,
как прежде, голубятня под окном.

Дома у нас всего в два этажа.
Мы все тут — как родня-единокровки.
Наташку Конаныхин провожал,
а родила она двоих от Вовки.

Сосед Серёга, радостная пьянь,
по трезвой зол и очень бледен ликом,
а как напьётся, громко любит Вику —
орут, сцепившись, словно инь и янь.

И я, скрипя по лестнице домой
(потёртой, деревянной, в три пролёта),
принюхаюсь: картошку жарит кто-то,
а к ней небось селёдка, боже мой!

Наутро — тишь. Сосед в отходняке.
Сырая хмарь по комнате разлита.
И голуби дырдят на чердаке
то нежно и влюблённо, то сердито.

Я каждый день по улице иду,
любуюсь заповедником эпохи.
Вот сливы — диковаты, но не плохи.
Вон яблоки в запущенном саду.

Здесь теплится надежда на покой,
и двор описан яркою строкой —
подштанники, пелёнки да рубашки.

И если в мир, расплывшийся от слёз,
пришёл никем не узнанный Христос,
то он живёт в такой же двухэтажке.

У солнца розовый бочок

У солнца розовый бочок —
такая сдоба в этом мраке.
Всё заживёт, как на собаке,
лишь только время истечёт.

Оно течёт рекой во сне.
По берегам ивняк да камни.
Хромые сваи под мостками.
Трава шевелится на дне.

У чёрной баньки косогор
ползёт кривой дорожкой наверх.
Полезешь — и сорвётся гравий,
рванёт к реке во весь опор.

Домишки все наперечёт,
и ни один не обитаем.
Садится солнце за сараем,
у солнца розовый бочок.

Мой белый свет

Мой белый день и белый снег.
Мой белый свет.
Я забываюсь в полусне.
Я забываюсь в полусне
под плед.

И городская тишина
шумит в окне.
И тянет стужей от окна,
и стужа тянется, бледна,
ко мне.

Запрячу руки в рукава,
а между век
дрожит июльская трава...
Вот так живёшь и день, и два.
И век.

Проходит белый свет насквозь.
За ним темно.
Отшепчешь мутный сон — авось?..
Но всё уже сбылось. Сбылось
давно.

Из длинных нитей суеты
и паутин
свяжу чехол для пустоты.
На подоконнике цветы.
И снег на крыши и мосты
летит...

Пригляди за ней

Белый коридор, белые кровати.
Буду на тебя, Боже, уповати.
Только у Тебя в той графе прочерк,
у Тебя, Господь, не было дочек.

Я расскажу, Господи, а Ты слушай.
В целом мире нет девочки моей лучше.
Ты же видел, Господи, небо на дне реки
и по краю поля звёздочки-васильки?
Летом, в июле, вспоминай, Господи, ну же!..
Вот у дочки моей глаза и синей, и глубже.

Ты за мной не смотри, Господи, время своё не трать.
У неё у окошка в больнице стоит кровать.
Ты бы, как доктор уйдёт, на край присел,
Отче наш, сущий на небесех.
И она у меня одна, и Ты один.
Пригляди за ней, Господи, пригляди...

Такая осень

Такая осень, друг, такая осень.
Сто бед. В довесок — горе не беда.
Холодный лес затих многоголосо.
Земля седа.

Ни сны не зреют в пору снегопада,
ни солнца белый пасмурный налив...
А снег тихонько штопает, где надо,
где на разрыв.

Друзей считают осенью, в ненастье,
когда листву срывает и несёт.
А пишут имена на первом насте.
Раз, два... И всё.

Осень. Дача

В тот год цвели до снега астры,
 И пруд, лягушек наплодив,
 По-стариковски безучастно
 Хлебал осенние дожди.
 И между дач, вздыхая тяжко,
 Бродила местная дворяжка,
 Протяжно нюхала траву,
 А ночью выла: доживу-у-у!
 У деда вызрела настойка,
 Трещала бодренькая печь,
 И после третьей мне б прилечь,
 А он: ещё давай по столько...
 И я, сомлев, без задних ног,
 Сидела с ним, как будто впрок...

Армагеддон

Горел камин. Мы пили кофе.
 Лежала в вазочке хурма.
 Луна была сегодня в профиль —
 Тоща, синюшна и дурна.

За кофе были два салата,
 Нарезка (нерка и лосось),
 Креветки, пиво... И тогда-то
 Земная накренилась ось.

Завыла нечисть в водостоках,
 Хурма скатилась на палас,
 Столетний дом кряхтел и охал,
 Мигнуло бра, камин погас.

Следы оставив на паркете,
 Рояль сползал наискосок.
 Звучало соло на кларнете
 (Папетти, «Маленький цветок»).

Качалась люстра где-то снизу
 На пару с треснувшей луной.
 Послушный буйству катаклизма,
 Ты наклонился надо мной...

Ах, угол этого наклона!
 Хочу ещё Армагеддона.

Время прощать

Это похмелье. Слишком беда пьяна.
Вынырнешь, дышишь, разинув по-рыбьи рот.
А на тебя глазеет в окно луна,
и на загровке бешено стынет пот.

Вот же – хватай губами ночную мглу.
Воздух грядущего утра налит свинцом.
Холодно? Свечку зажги и поставь в углу.
Время прощать юродов и подлецов.

Если ни сна, ни яви – стесалась грань,
крик застревает в горле, ни вверх, ни вниз, –
время сшивать края у открытых ран:
так заживёт быстрее, хоть оборись.

День, словно ветошь, с треском рванёт во тьму.
Город от снежного ветра дремуч и глух.
Выдумай, как молиться за тех, кому
хуже тебя, и свечку поставь в углу...

Другое

Засыпаю и думаю: вот бы увидеть сон,
где реке от кувшинок веснушчато и тепло
и буксиры мычат, заходясь от своих басов
далеко, у высокого берега под крылом.

Стрекоза вверх ногами задумчиво крутит хвост,
прицепившись к травинке, качаясь туда-сюда,
может, день, может, век (может, день – это век стрекоз).
А травинка послушно кивает: да-да, да-да.
Полдень, жарко...

Проснусь, ковыляю. Холодный пол.
Наливаю на ощупь стакан ледяной воды.
Мне приснилось другое. Как будто и над, и под
всё прозрачно, стеклянно, кричу – и не слышишь ты...

Речка

Я забыла дорогу туда... А была дорога —
 колея, колея, иван-чай, духота и пыль,
 щавель — детское детство, кислятина-вырви-око,
 да красавец репейник — до неба одни шипы.

От пригорка — полого, уже выдыхай, недолго
 до реки. Берега — глинозём, как ныряешь — муть.
 Помню, время тянули, лелеяли, а без толку.
 Колея, колея... Полусонный обратный путь.

Вскинешь голову — виснет в малиновом небе сокол.
 Слышен лай-перебрёх по далёким чужим дворам...
 И крестил нас вослед переплётами древних окон
 с невысокого берега речки безглавый храм.

Острова

Когда я устаю от зим и лет,
 Тревоги, суеты, столичных башен,
 Мне снятся острова, которых нет, —
 Солёные обветренные кряжи.

Давай, встречай меня, архипелаг,
 Нагрей под солнцем каменные глыбы.
 Я всё-таки опять не умерла.
 И там, где выживали только рыбы,

Где небо в мокрой радужной пыли
 И лунный диск отсвечивает алым,
 Где ищут пятый угол корабли
 И бьются, как безумные, о скалы,

Я выплюнута морем на песок
 И строю недостроенные замки.
 Со мной опять шуршание осок
 И призрак тонкой девочки в панамке...

Зима. Линии

Мир забывает привычные линии.
В белом морозном окне разгляди меня —
так, что-то снежное шарфом обмотано...
Зиму хотели — да вот она! Вот она...

Это сон. Белый шум.
Время банок с вареньем, да...
Ты исчезаешь до утренних сумерек
в белом дыхании, мареве-куреве.
Ложечка звякнет. Целуешь на вдохе, и —
улица, холод, рекламные сполохи.

Это снег. Серый свет.
Одинаковых дней слюда.
Небо сползает на крыши, на плечи мне.
Старый троллейбус, намаявшись к вечеру,
звякнет оставшимся: что же вы? как же вы?..
Свет из пекарни хрустящий, оранжевый...

Это ночь. На стекле
драю мутной луны латунь.
Тьма мотыльковая сыплется в улочки.
Ты возвращаешься ближе к полуночи.
Я обнимаю: как холодно, боже мой!
Ты говоришь: скоро лето, хорошая.

Ты вдыхаешь декабрь,
выдыхаешь в него июнь...

Полдень

Разрывая волокна полуденной зимней комы,
Солнце входит в окно, начинает плутать по дому.
Будто нюхает. Будто ластится. Будто пёс.

На столе в пиале золотятся кружки бульона.
Я в дурацкой пижаме, но в ней и тепло, и сонно.
Мама нянчит меня — пневмония. Я морщу нос.

Чайник песни поёт под парами-парам-парами.
Я чихаю. Синичка, застыв на оконной раме,
Смотрит пристально — так, что в глазах у неё темно.

Старый дедов буфет разговоры прихлопнет створкой.
Манит улица — вдруг почему-то катком и горкой.
Оживают часы, рассыпают своё пшено.

Обжигаясь, тяну бульон. Не спешу. Не маюсь.
Тяжелеет, хмелеет ленивой истомы завязь.
Громяют кастрюльки-тарелки под шум воды.

Покапризничать капельку — боже, такое чудо!
Это я не хочу, а вот это, пожалуй, буду...
Избалуюсь ли, мам? Я седая уже, как ты...

Плед

Ты всё обещаешь приехать.
 Что там положено? — Мандарины, соки,
 немножко тёплого смеха,
 ахи, охи...

А у меня тут солнце и сонная одурь.
 Я сижу в клетке бордового пледа,
 а её кто-то тащит в сторону Нового года
 с утра до обеда.

Я качаюсь, дремлю, вижу тёплые камни,
 застываю в мареве, в янтаре.
 Горячую гальку подгребаю к себе руками,
 хочу, как ты, загореть...

А вороны кашляют да сдуваются ветром —
 чёрная рябь на заснеженных крышах.
 Мне бы выйти отсюда — и прямо в лето.
 Шишел-мышел...

Утро. Возвращение

Твоя рука на линии волос,
 на шее, на четвёртом позвонке,
 казалось, отвечала на вопрос:
 [м]не жить?..

Кружила птица вдалеке,
 тревожной заражала немотой
 тебя, меня, сплетение теней...
 И воздух нежил лёгкие больней,
 и был рассвет болезненный, спитой.

Рисунок скул... и пальцами, дрожа,
 тепло вбирала и сбирала дань —
 за то, что бесконечно уезжал...
 Сырых ветвей уродливая скань,
 вплетённый привкус, и зерно, и зернь
 дождя, бордовых почек...

И озноб:
 когда от нас исчезнет даже тень,
 таким же утром-заревом ко мне
 внезапно, сладко, холодом в спине
 вернётся всё — от запаха до снов...

На краешке любви

На краешке любви, на линии огня,
где сполохи зари вылизывают крыши,
к судьбе моей привит побег такого дня,
в котором мы с тобой одним дыханьем дышим.

На краешке любви, где улочки юлят,
смещая и дробя границы тьмы и света,
луна успеет свить гнездо на тополях
и вылупятся сны оранжевого цвета.

Однажды тишина придёт на водопой —
с ладоней наших пить осенние закаты.
И будем вспоминать, как за руку с тобой
по краешку любви ходили мы когда-то...

Маме

Слишком мало времени на любовь.
А сидеть бы, слушать, не отпускать.
Как дитё, за юбку ходить с тобой,
Седину рассматривать на висках.

Может, чаю? Зябко, в окне зима...
И налить, и ложечкой позвенеть.
Всё жила не рядом, а возле, мам,
И почти прожита вторая треть.

Разрослось под окнами тополей.
Два окна на север и два — на юг.
Ты в окошко машешь мне столько лет...
Всё, что есть, молитвой далось твоей.
Ты прости мне, мам, слепоту мою...

Ни слова

...И помнить сны, и стоны, и слова
не просто наизусть, а каждой клеткой.
И руки благодарно целовать
за то, что я пляшу марионеткой,
почувствовав желание твоё.
Снимать одежду, стаскивать бельё...
В испарине смотреть, как утро брезжит,
роняя тени бледные на нас
сквозь дикий хмель, которым дом увит...
И никогда ни слова о любви —
за то, что до тебя, когда-то прежде,
о ней другим твердила столько раз...

Я уже не спешу

Ты скучал бы, но что-то повсюду осень
и на небе черным-черно.
Ты дождём ото всех с головой укройся,
не смотри ни в одно окно.

Я уже не спешу. Что дожди, что ливни...
Ты же есть, остальное — пусть.
Я тебе не снюсь, а приснишься ты мне...
Расскажу, когда дозвонюсь.

Всё равно мне изрядно уже за сорок,
и какой там *or not to be*...
От одной до другой остановки город,
а проспишь — тоже город. Спи.

Из ладони в ладонь пересохшим жмыхом
время сыплет ветра в саду.
Остывает чай. В доме тихо-тихо.
Не спеши. Я жду.

Прости

Себя соберёшь по крупице, по снам,
придумаешь тысячи фраз,
и будешь считать, что одна-то весна
найдётся всегда про запас,

и всем эту тысячу разных «прости»
раздашь от своих щедрот,
ведь мы же всегда навсегда в сети...
Но кто-то молчит. И вот

загонишь себя в черноту, в метель
ушедшей на днях зимы.
Но это «прости» никуда не деть,
не выкричать это «мы».

И все оправдания — грубый подлог,
изъеденный пылью свет.
Ты будешь мотать это слово-срок
в клубок уходящих лет,
в клубок бесконечных ночных дорог,
где холод и никого,
и только чисты до скрипа сапог
снега в Рождество...

Сюжет

Моё окно — причудливая линза:
Смотрю в него и вижу то, что было
И год назад, и сорок лет подряд.

Всё тот же кот шныряет по карнизу,
И провода, заснеженные жилы,
Несут надежду рыжим фонарям;

И небу не хватает синей воли
И встрёпанного облачного пуха...
Но всё старо, всё суета сует.

Придёт весна тепло и ледокольно,
И новый день весёлым ливнем ухнет,
И даже на обоях в нашей кухне
Цветы опять потянутся на свет...

Падаю

Ночные дороги срываются в тишину –
отвесную, белую, с тысячью спящих птиц.
И там, на краю, кто-то шепчет не «стой», а «цыц»
и в спину толкает: шагнёшь, не шагнёшь? а ну...

И чёрные птицы следят из-под сонных век.
На дне догорает горячий янтарный свет.
Здесь даже у ветра нет права свистеть вослед.
И я улетаю, хватая с деревьев снег.

И падаю вместе со снегом – легко, как тень,
на свет твоей кухни (хрущёвка, движенье штор).
Ты куришь и смотришь в пустой заметённый двор,
куда тишина тащит бледный январский день...

Напишешь мне?

А из новых картин в городском окне –
только этот морозный чудной узор:
веточка, веточка, листики... хохлома.
Ты напишешь? Напишешь мне?
Как несётся во весь опор
по колено в снегу зима –
через белый метельный луг,
где о стебли усопших трав
исколото янтарное солнце свои бока,
а потом, догорев, разметало черну золу
в облака.
Как несётся зима по сугробам сквозь бурелом,
изметелив подол о коряги, суки да пни,
и топочет потом под твоим окном,
задувает огни.

А тебе всё равно. Печка сыто бубнит в трубу.
Темнота приколочена к небу пригоршней звезд...
Напиши мне, как день твой натоплен, богат и прост.
И вечен вот этим печным бу-бу...

Время. Узоры

Время стало послушным: попросишь — и не бежит.
Мы сидим с ним вдвоём на скамейке в чужом дворе.
А вокруг невозможную зимнюю миражизнь
прожигают снежинки, сбиваясь у фонарей.

Синий звон холодрыги — тревожный скупой бемоль.
Напридумает ложная память себе утех.
И мерещится город — старинный, не твой, не мой.
Не из этих времён, а быть может, и не из тех.

И дымят по-над городом трубы, и снег скрипит,
и на розвальнях катит незнамо куда и кто.
Беспородные псы выгрызают свои репы,
и холодное небо растрёпано и желто.

Переулок озяб, поджимает короткий хвост.
Я закрою глаза и пройду по нему на спор.
Мне знакома ограда у церкви, знаком погост,
и шевелятся губы — я знаю, что тянет хор...

Стало время беспмятным, вяжет в один узор
всё, что было и не было... Небо черней зрачка.
Мы сидим на скамейке. Я знаю и этот двор,
и другие дворы, переулки, дома, века...

Вечерние прогулки

Выпрастывая крылья из-под шуб,
с работы вылетают горожане.
Придержанный железными вожжами,
троллейбус тормозит. Он мал и скуп,
особо на сидячие места —
к ним намертво пришпилены бабульки.
Им нравятся вечерние прогулки —
движенье, разговоры, суета.

И я, к стеклу прижатая щекой,
вмерзаю в белоснежные узоры
и думаю о времени нескором,
когда сама я стану вот такой.

Но память сразу шаркает на склад
и, папки в стеллажах перебирая,
покажет мне девчоночку в трамвае.
Зима. Метель. И помню, как вчера, я —
щекой, к стеклу... Но тридцать лет назад.

Муха в янтаре

Зима была корявой и скупой
на снег и синь, и солнце в этой сини.
Свинцовых туч болезненный припой
стекал на крыши, с крыш и между ними,
и чётких линий не было сто дней,
и света в мире не было темней,
и тьмы на свете не было тревожней.

Чего ждала? Не знаю. Ничего.
Не встретив, проводила Рождество...
Мне кажется, что я вот так, до дрожи,
всю зиму простояла у окна —
то гордо, то на всё готова, лишь бы...
И вечером была тебе видна
издалека, подсвеченная рыжим...

Бесмыслица... Как муха в янтаре...
Смешно и горько. Здравствуй и (тире)
входи же.

Сны среди бессонниц

Где ливнями намешивало глину,
снегами укрывается февраль.
Зима, перевалив за половину,
закручивает в белую спираль
и день, и ночь, и сны среди бессонниц.
Промаявшись, забудешься к утру —
приснятся голоса далёких звонниц.
По ком звонят? Да нет, я не умру...

И с детства это «мам, я не умру, да?»
подмешивает в кровь тоску и страх...
А звёзды всех оттенков изумруда
всё те же на небесных куполах,
и тот же свет от веку и до веку
стекает утром в сонные сады.
Идёшь по свежавыпавшему снегу —
и веришь, что останутся следы...

Есть время надышаться январём

Есть время надышаться январём
до холода в зубах, до крупной дрожи
и выдохнуть, когда он будет прожит
и февралём бездарно повторён —
в визгливом оглушающем регистре
ночных метелей, «скорых» на шоссе,
публичных истерических эссе
и утренних панических безмыслий.

Есть время надышаться — и потом,
оглядываясь, думать: жизнь чудесна! —
Весна. Веранда. Плюшевое кресло
и брошенное в августе лото...

Можайское молоко

Пелёнки, распашонки и кружавчики
висели на верёвке во дворе.
Вода была вонючая от ржавчины,
и церковь доживала на горе.

Ах, это среднерусское барокко!
Всего-то в этой церкви перебор —
и башенки, и стрельчатые окна...
К оврагу уходящий косогор
тащил с собою липы-вековухи,
корявые, как старческий костяк,
и заросли крапивы были глухи,
и скучен взгляд раскормленных дворняг.

Обед и тихий час, как было велено.
Не спишь — так, хоть умри, лежи молчком...
У бабушки моей был орден Ленина
и булочки с можайским молоком...

Шапка

На ресницах у бледного солнца иней.
Облаками пузырится синий день.
Я такая дурацкая в шапке зимней,
а тебе всё равно, говоришь: надень!

Говоришь: я же видел тебя спросонья,
мне теперь — и смеёшься — сам чёрт не брат.
И внутри что-то рвётся, звенит и тонет,
и так хочется сразу назад, назад —

в это утро, рождённое раньше срока
из горячего «ты...» и остатков сна
и глядящее в щёлочку белым оком —
будто рыба попала в садок окна.

...Мы скрипим по скверику тихо-тихо.
Не к лицу, не по летам — в руке рука.
Любопытная круглая воробьяха
расчирикает всюду наверняка...

Мой Китеж

На пруду у мостков даже удочку не закинешь —
зацвело, водомерки уснули без задних лап.
Но златится на дне мой блаженный июльский Китеж
с голубыми стрекозами в солнечных куполах.

На просёлке колотит по пыли хвостом Чернушка —
хромоногий брехун, подобривший под старость чёрт...
А у лета ведь тоже бывает, представь, макушка —
светло-русая (просто седые дожди не в счёт).

У дороги на самой жаре (и смотреть-то сладко)
красноглазо и дымчато, как на заре туман,
поспевает малина, печали моей заплатка.
От распаренной мяты полуденный ветер пьян.

Наберёшь этих ягод пригоршню и ешь с ладони.
И звенит... паутина на стебле? в цветке роса?
Обернёшься и видишь: прозрачный в далёком звоне,
упирается Китеж соборами в небеса...

Вера. Надежда. Любовь

* * *

Пока нам не роют окопов с траншеями,
Пока среди ночи не газует под окнами воронок,
Ты можешь спокойно бросаться на шею мне.
Всё ОК.

Пока я не кинусь назад в атаке
(Мы, новобранцы, такая шушера),
А ты не пристрелишь меня, как собаку,
Пойдём, в кафе покушаем.

И ты не парься, радуйся солнечным временам.
Пусть беды идут лесом, полем и лугом.
Пока не последнюю корку делим, а пиво напополам,
Не тревожь врага, пусть побудет другом.

* * *

А у нас не падают самолёты.
Я живу в обычной, как все, глуши.
Я спешу по утрам на свою работу,
как у нас любой по утрам спешит.

А потом читаю, япона мама,
что погибла сотня живых людей:
самолёт взлетел и на взлёте прямо
превратился в сотню людских смертей.

И ни слова. Кроме /хрипато/: боже.
Потому что горе — немая тьма.
И я падаю, падаю, падаю тоже
и сто раз предсмертное слышу «ма...».

И вот так же я до конца, до края,
сколько выйдет финишной той прямой,
буду жить, беспомощно повторяя:
ерунда, с кем угодно, но не со мной...

* * *

Ну не будь вообще, что тебе стоит, просто не будь вообще.
Для чего ты, зачем ты есть только наполовину?
Я же выживу, если ты понимаешь ужас таких вещей —
начиная с тяжёлой сумки из ближайшего магазина.

Начиная с тяжёлой сумки и завершая под Новый год
нарочитым весельем и глазами —
такими сухими, что, кажется, треснут.
А тебя вот настолько кто-то где-то не ждёт?
Только честно.

А тебе вот настолько хочется — ночь, не ночь —
провалиться в сон и вынырнуть прошлым летом?
Чтобы лето было с прежнюю жизнь длиной...
Не об этом надо бы, господи, не об этом...

Болотный мох

Над болотом зелёный пар.
Заползает тоска под дых.
Слишком рано растаял март,
и апрель не по сроку лих.

Прошлогодняя клюква-кровь
побурела, спеклась, каюк.
Между скудных болотных крон
задыхается всякий звук.

Превращаются крики в хрип.
А бежать — никуда, никак.
Будто держит слепая зыбь.
Будто тянет на дно бочаг.

Всхлипнет чёрный плавучий торф —
и затянется жадный вдох...
Подожди, прорастёт из пор
серебристый болотный мох...

Может, чудится этот стон?
Глянешь — в чёрной воде у пня
будто кто-то крутнул хвостом.
Солнце жухнет, дрожит листом...
Чур меня!

Чашка

Я бы знала, как правильно гречку варить
и во сколько автобус уходит в город,
полюбила бы яблоки и январь
и повесила в кухне другие шторы.

Я бы помнила дни и название вина,
и куда, наконец, задевалось платье,
и что в хлебнице хлеба ещё до хрена...
А я снова ходила его покупать, ё...

И в окно бы смотрела на сумерки я,
а не в стену тупую-слепую эту...
Я бы знала, как жить, если б чашка твоя
не стояла на самом верху буфета.

Потому что она не нужна.

Оберег

Тонких ног заполошный разбег,
обвиваются травы, как пути...
От себя убегала, а будто
навсегда убегала от всех.

На дорогу себе не взяла
ни воды, ни нападавших яблок.
Был просёлок податлив и мягок
и дорога от пыли бела.

Оставляла на память другим
непотушенный свет с мотыльками,
возле моря подобранный камень
и на сонной запруде круги...

Где была — ни понять, ни забыть:
поле чёрное, чёрные маки,
облаков желтоватая накипь
и пустые глазницы избы.

Помню, только вошла — позади
дверь заныла и хлопнула глухо.
Из угла вековая старуха
засмеялась:
— Пришла? Подойди...

Пахло горечью стылой золы.
Подошла — никого, только тени,
только зеркало в пыльном простенке
да скрипят, догнивая, полы...

...Как вернулась домой — не пойму.
Помню маелный запах полыни...
А вошла — на окне первый иней
да сплетённый руками твоими
оберег, отгоняющий тьму...

Струна

Кто-то во мне струну затянул потуже.
Лопнет струна — и больше меня не будет.
Видишь — моё отражение тонет в луже.
Видишь — меня не видишь, всё дождь и люди.

Я выхожу на улицу как-то боком.
Листья латают дыры в осеннем свете.
Купол небесный в серые тучи скомкан.
Выброшен день трухой-чепухой на ветер.

Даже трава в тебя не пускает корни,
город бродячих собак и пожарных лестниц.
Ветер с трамваем и скорая воют хором.
Я подпеваю, но всё мимо нот, хоть тресни.

Из подворотни тянет чужой тревогой,
смутной надеждой на не-умрём-во-веки.
Может, уехать, печку топить и окать,
а по ночам пятаки примерять на веки?

Только не надо вот так на меня смотреть.
Просто к лицу нам с осенью эта медь...

Степное скуластое

Николаю Рогалеву

Я приеду к тебе, прилечу, приду.
Ты поймал меня на улан-уду,
на простор монгольской своей степи,
где закат кровавой тоской кипит,
где небесный купол, космат и бел,
вспоминает песни сигнальных стрел
и бессмертник, вечный седой бурьян,
помнит привкус крови из чёрных ран.

Там у времени жёлт узкоглазый лик,
там и пёс бродячий скуласт и дик,
и не солнце светит — двенадцать лун.
В полнолуние встретится чёрный гунн —
поминай, как звали, ищи-свищи...
Будто камень, пущенный из пращи,
по долине мчится мохнатый конь,
и раскосы лица с иных икон.

Понесётся пылью таёжный тракт,
и увижу, услышу, почую, как
Селенга в тумане течёт-скользит,
и во мне прищурится чингизид...
Я приеду к тебе в это чёрт-те где,
чтобы ночью в небо не спать глядеть
и найти наконец-то свою звезду.
Ты поймал меня на улан-уду...

Снег со вкусом табаско

У погоды не тот характер, печаль не та.
Мне хотелось ленивого снега, бесцветных улиц,
дребезжащей старушечьей радости «гули-гули»
и дворов, где зависла белая немота.

И минут — не по кругу, а россыпью, через край.
Чтобы вроде как бусинки — и нанизать самой
на травинку, на нитку... да мало ли, боже мой, —
хоть в косу вплетай.

Мне хотелось цветную шаль... или, знаешь, нет —
вуалетку на шляпке и нервные пальцы в кольцах,
и китайской лапши, очень острой и пару порций.
И билет на Пхукет.

Я, глаза нараспашку, нащупала тишину,
хлопот крыльев, квохтанье прикормленных голубей.
Тонко звякали кольца, и плавился на губе
снег со вкусом табаско, и берег цедил волну...

Знаешь, слёзы бывают как будто бы ни о чём.
Намечаешь и маешься. Дура, кому сказать.
...Говорят: что стоишь на дороге, разуй глаза!
Я потом расскажу, как рыдалось мне горячо...

И будет день

И будет день. Он спустится с небес
мучительному сну наперерез,
когда в моём тревожном пограничье

уже не станет сил у светлых сил,
и стая чёрных вызверенных псин
во мне почует лёгкую добычу,

приблизится (вожак нетерпелив) —
и запах лилий, тлена и земли
меня коснётся — зябкий, сладковатый...

Но будет день. Захлопает бельём.
И голуби усядутся вдвоём.
И дворник, всё покрыв ленивым матом,

изрежет двор на снежные ломти.
Я, голову задрав, увижу птиц...
И только веток чёрная ломота
напомнит что-то...

Иван-да-Марья

Открой во мне страницу тишины –
тончайший лист бумаги папиросной.
Луга в тумане призрачно видны,
слезятся росно.

Закрой глаза и слушай кровоток –
пульсацию мелодии и цвета.
Так слушает проснувшийся цветок
изнанку света.

Босой ногой дотронься до стерни.
Свобода – боль на горькие две трети.
Цветную ленту с локонов сорви,
пусти на ветер.

На тростниковой дудочке река
сыграет нам зарю, вздыхая-маясь,
и солнца, запоздавшего слегка,
набухнет завязь.

И мы, когда умается костёр,
уйдя дымами к облачной отаре,
с другого края света прорастём
Иван-да-Марьей.

Слова

Я пробую слова на вкус и цвет,
округлость, неподатливость, шершавость,
на холод и тепло, на тьму и свет.
Веду по нёбу...
Слово задержалось,
застряло в основанье языка
и мается бесшумно и бессильно,
упёрто и бессмысленно, пока
с отчаяньем последнего стежка
не вырвется, не выкрикнется или,
на слоги разбиваясь, не взлетит
надрывным всхлипом, диким, доязыким... –
и вот уже просыпался петит,
слагая тайну, словно камни Ики.
Из солнечных пылинок, лепестков,
из хвои прошлогодней порыжелой,
скрипучего шатания мостков
и нежности, которая болела;
из бабочки, притихшей на руке,
движения, испарины, намёка
и дней, в которых было одиноко,
случится мир, не сказанный никем.

Знаки

Ты веруешь в таинственные знаки?
Когда в поля просыплется роса
и суета сойдёт с меня, как накипь,
оставив только проседь в волосах, —
взовьётся в небо ворон чёрной меткой,
хрипато мне накаркает беду...

Но, клюнув на упавшую звезду,
карась на счастье брошенной монеткой
блеснёт, плеснёт... И в тинистом пруду
вздохнёт нечистый, спрячется поглубже —
под донный камень, в илистый песок.

И облака двугорбо, по-верблюжьи
потянутся на тлеющий восток...

Нитка

Отпустишь город — и он парит
воздушным змеем на тонкой нити.
И вы, наверное, с ним парите,
а с вами — улицы, фонари...

А мне пустынно и хорошо.
Земля безвидна, трава да камни.
И звёзды кажутся мотыльками,
и тьма над бездной нежна, как шёлк.

А город тянет куда-то вверх,
минуя лето, уходит в осень...
Да только нитка — не нитка вовсе,
а мой до крика звенящий нерв.

Вы, верно, рады житью-бытью,
и вам оттуда едва видна я —
не то чтоб точка, но запятая...
А нитка лопнет — и вы тю-тю!

Кто¹

Да кто меня узнает среди других когда равняйся налево
 униформа когда я птицам стану вместо корма когда
 в глазницах темень и ни зги

кто опознает хрип и боль и мат когда земля налитанная
 хлором заставит умирать протяжно хором траву зверей
 деревья и солдат

кто будет мне заглядывать в лицо за ноги-руки в ров
 и сверху известь а там вода и ближе ближе близость таких
 же безнадёжных мертвецов

кто будет выбирать меня из тьмы и тьмы и тьмы спасая
 от потопа меня поцеловала Каллиопа но Кали опа!
 шуруется с кормы

кто станет разбирать движение губ когда во сне мне будет
 откровенье а утром повалившись на колени я Отче наш
 припомнить не смогу

кто сможет разыскав меня в скиту поверить и скалу
 долбить для кельи и жить без цели просто жить
 без цели цветы и мох и сосны на ветру

Омम्म¹

Где ветра вырезают дудки из серых скал,
 у непуганых ящериц насмерть черны глаза.
 Над ущельем полоска неба бледна, узка.
 Трепыхается воздух, от зноя гудит базальт.

Распластайся на нём, слова позабыв, мычи,
 повторяя извечное глухонемое «омम्म».
 Тишина рассыпается стрёкотом саранчи.
 Стрекоза, замерев, улыбается жутким ртом...

Посмотри: это вечность, безвестность, полынный дух.
 Здесь вино превращается в воду и в камни — хлеб.
 Здесь тела пожирает кровавая птица Рух
 и к вершинам прикованы Сириус и Денеб.

А теперь убирайся, пока не сошёл с ума.
 Что горам твои беды, беспомощный бунтовщик?
 Одиночества хочешь? Довольно с тебя холма —
 чтобы камень катить или крест на него тащить.

¹ Публикуется с сохранением авторской пунктуации. — *Примеч. ред.*

¹ Публикуется с сохранением авторской орфографии. — *Примеч. ред.*

Содержание

Был скверный день	3
Седые дни, встревоженные птицы	4
Жить без тебя	5
Бомж твоей души	6
Здравствуй, мир	7
Моя зима	8
Вытащу стих наружу	9
СВ	10
Избушка	11
Этот северный город	12
Берег	13
Ах, как же удивительно!..	14
Осень. Утро	16
Дура	17
Жанетт	18
Женщина под сорок	21
Когда твой поезд ушёл	22
Возвращайся на землю	23
И падать в темноту	24
Белое марево	26
Предчувствие	27
Рыжий рассвет	28
Беспамятность	29
Курносая песенка	30
Тик — не так	32
Моя ночь	33
Река. Зима	34
Да будет свет. Версия	35
И только ты	36

По дороге в Никуда	37
Мой вечер	38
Конечная	39
Горсточка чёрных зёрен	40
Мой лес	42
Вот видишь, ты опять о городах...	43
Сирена	44
Что тебе написать?..	45
Январь. Татры	46
Меня пугают только сны	47
Чёрно-белое	48
Забывать	49
Как холодно было...	50
Отзвук	51
Амбулаторно	52
Почему так, мам?	53
Проскопия	54
Если поздно	55
Сирин	56
Молитва	57
Обочина	58
Старушка из соседнего подъезда	59
Старик	60
Будничное	61
Самое обычное	62
На исходе зимы	63
Пусть они поживут	64
Обними. Я устала	65
Всё на потом	66
Лимит	68
Окна	69
И дольше метелей	70
Вот такая любовь	71
У меня и у тебя	72
Запивая любовь	73
Последний штрих	74
Колоколенка	75
Этот мир	76

Навыи	77
Колея	78
Призрак гор	79
Вчерашний снег	80
Здесь и там	82
Здравствуй, ночь	84
Вдох. Выдох	85
Вой	86
Возле лампочки заката	87
След на сырой траве	88
Зеркало	89
Как будто штиль	90
Капля. Отзвук	91
Я останусь	92
Отражения	93
Капсихор	94
Фасады	95
Чудесно!	96
Ты спишь?..	97
Ни следа	98
Рваное небо	99
Кошачий хвост	100
Амбразура	101
Мой огонь	102
Оказалось — так просто	103
Жить — это просто	104
Время рыжих вечеров	105
Ищи — не ищи	106
Хочешь узнать, что такое безумие?	107
Угол. Fiat lux	108
Тишина, которая звучит	109
Одуванчик	110
Траектория	111
Скрип	112
Испарина	113
Городское летнее	114
Лето не лето	115
А я опять больна тобой	116

Три ложки сахара. Лимон	117
Ты и я. Грани	118
Альбатросы иных времён	119
Рисунок на обоях	120
Вероятность метаморфозы	121
Пока не вызрела трава	122
Время, которое без тебя. Яблочный спас	123
Не падали звёзды	124
Чёрный дым	125
Синдром	126
Просека	127
Старуха	128
Лета	129
Материк	130
Я чувствую	131
Не зови непогоду	132
Поехали куда-нибудь на поезде?	133
Белая сова	134
Последний день	135
Когда отболит во мне	136
Круг	137
Твой доктор болен	138
Птица	139
Реликтовая память	140
Звёзды ближние и дальние	141
Осеннее. Россыпи	142
Занавески	143
Дуга	144
Возвращаться	146
Осень. набросок	147
Стебли травы	148
Дышать до хрипоты	149
Сосняки	150
Прощание	151
Воленбат	152
Я не сержусь	153
Я жду	154
Серые нитки	155

Бусина	156
Не любить бы тебя — и ладно	157
Туман	158
Я потерялась в ноябре	159
Круговорот	160
Реальность мира	161
Лес. Оттепель	162
Вьюн	163
Оранжево	164
Алтари	165
Серёжка	166
Не люби	167
Кресты	168
Чистый лист	169
Лоботомия	170
Утаи от меня нелюбовь	171
Няне	172
В такие ночи снятся поезда	173
Стол да крест	174
Лимонницы	175
Любить этот город	176
Чёрный стебель	177
Шорох зимы	178
Махаон	179
Пять хрущёвских этажей	180
Рунопись	182
Война и мир	183
Звезда	184
Кукольная история	185
Иней	186
На линии огня	187
Дикое зелье	188
Любовь	189
Шрам. Шёпотом	190
Сезоны	191
Рыжий сад	192
Коты в мешке	193
Сатори	194

Падает снег	195
Олл ю нид	196
Пусть так	197
Картинки. Морское	198
Это весна, мой ангел	199
Черновики	200
Дом на окраине	201
Чужой пейзаж	202
Весна. Городское	204
Морок	206
Межсезонье	207
Тихо, тихо, тс-с-с	208
Цветы	209
Дом, который построила я	210
Некоторые воспоминания	211
Напомни мне, какой сегодня год	212
Двадцать восьмой	214
Чёрный сок	215
Четыре зелёных свистка	216
Моё лето	217
Сквозняки	218
Сумрак	219
Тень от тени	220
Пилигримы	221
Москва — Питер	222
Цветок	223
Двор	224
Три дня	225
Цвет люпина	226
Чёрный воск	227
Река. Лето	228
У небесной коровы кончилось молоко	229
Две почтовые марки	230
По другую сторону стекла	231
Имена	232
Сейчас хорошо	233
Джаз, ежевика и кот	234
Зонтики	235

О грустном	236
Он мне писал	237
Гора	238
Он вышел в дождь	239
Камень-ножницы-бумага	240
Роса	241
Заповедник	242
Немножко зябких снов	244
Облака	245
Труба	246
Лови меня	248
Ёлки-палки	249
Сенсорная депривация	250
В тех краях	251
За лихой рекой	252
Мцхета	253
Птица на окне	254
Возрастное	255
Покров	256
Качели	257
Акварель	258
Синицы	259
Двухэтажки	260
У солнца розовый бочок	262
Мой белый свет	263
Пригляди за ней	264
Такая осень	265
Осень. Дача	266
Армагеддон	267
Время прощать	268
Другое	269
Речка	270
Острова	271
Зима. Линии	272
Полдень	273
Плед	274
Утро. Возвращение	275
На краешке любви	276

Маме	277
Ни слова	278
Я уже не спешу	279
Прости	280
Сюжет	281
Падаю	282
Напишешь мне?	283
Время. Узоры	284
Вечерние прогулки	285
Муха в янтаре	286
Сны среди бессонниц	287
Есть время надыхаться январём	288
Можайское молоко	289
Шапка	290
Мой Китеж	291
Вера. Надежда. Любовь	292
Болотный мох	294
Чашка	295
Оберег	296
Струна	298
Степное скуластое	299
Снег со вкусом табаско	300
И будет день	301
Иван-да-Марья	302
Слова	303
Знаки	304
Нитка	305
Кто	306
ОММММ	307

16+

Литературно-художественное издание

Серия: Лауреаты литературной премии
«Народный поэт»

Орынянская Полина Валерьевна

ЦВЕТ ЛЮПИНА

Ответственный редактор И. Иванова

Корректурa: Т. Валавина

Компьютерная верстка: Т. Упова

Дизайн обложки: А. Москвичева

Подписано в печать 15.05.2017

Формат 60x90/16

Бумага офсетная

ООО «Издательство РСП»

127006, Москва, ул. Малая Дмитровка, д. 29, стр. 1

Тел.: +7 (495) 215-14-25

www.izdat.ru